

В. Г. Целищева

СОЦИОЛОГИЯ

Хрестоматия

Выпуск I (V в. до н. э. – 1840-е гг.)

**Санкт-Петербург
2022**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна»
Высшая школа технологии и энергетики**

В. Г. Целищева

СОЦИОЛОГИЯ

Хрестоматия

Выпуск I (V в. до н. э. – 1840-е гг.)

Утверждено Редакционно-издательским советом ВШТЭ СПбГУПТД

Санкт-Петербург
2022

УДК 301
ББК 60.5
Ц 342

Рецензент

кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и культурологии Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна
А. М. Положенцев

Целищева, В. Г.

Ц 342 Социология: Хрестоматия. Выпуск I (V в. до н. э. – 1840-е гг.) / В. Г. Целищева – СПб.: ВШТЭ СПбГУПТД, 2022. – 49 с.
ISBN 978-5-91646-293-7

В хрестоматию включены фрагменты текстов, созданных в период от зарождения идей гуманитарного знания в античности до возникновения социологии как науки в XIX веке и отражающих развитие представлений об обществе. Материалы предназначены как для самостоятельного освоения, так и для использования на семинарских занятиях по разделу «Социология как наука об обществе» курса «Социология», а также других тем курса с целью более глубокого понимания понятий «общество», «личность», «социальная структура», «социальные законы», «общественное мнение» и др.

Хрестоматия предназначена для бакалавров всех форм обучения.

УДК 301
ББК 60.5

ISBN 978-5-91646-293-7

© ВШТЭ СПбГУПТД, 2022
© Целищева В. Г., 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ТЕМА I. Формирование представлений о государственном устройстве, сущности человека и принципах научного познания в античном мире.....	5
1.1. Платон.....	5
Государство (отрывок).....	5
Актуальные цитаты Платона.....	11
1.2. Аристотель.....	12
Политика (отрывок).....	12
Актуальные цитаты Аристотеля.....	14
ТЕМА II. Формирование методологического комплекса наук, научных представлений о договорной природе государства и роли общественного мнения в XV–XVII вв.....	15
2.1. Никколо Макиавелли.....	15
Рассуждения о первой декаде Тита Ливия (отрывок).....	15
Актуальные цитаты Никколо Макиавелли.....	17
2.2. Томас Гоббс.....	18
Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного гражданского (отрывок).....	18
Актуальные цитаты Томаса Гоббса.....	27
ТЕМА III. Научные представления о человеке, обществе, знании в XVII–XVIII вв.....	28
3.1. Джон Локк.....	28
Опыт о человеческом разумении (отрывок).....	29
Актуальные цитаты Джона Локка.....	32
3.2. Шарль Луи Монтескье.....	33
О духе законов (отрывок).....	33
Актуальные цитаты Шарля Луи Монтескье.....	38
3.3. Жан-Жак Руссо.....	39
Об общественном договоре (отрывок).....	40
Актуальные цитаты Жан-Жака Руссо.....	47
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	49

ВВЕДЕНИЕ

Хрестоматия предназначена для самостоятельного изучения и использования на семинарских занятиях по социологии студентами-бакалаврами очной и безотрывной форм обучения раздела «Социология как наука об обществе», а также других тем курса, для углубления знаний о базовых понятиях социологии: «общество», «личность», «социальная структура», «социальные законы», «общественное мнение» и др.

Социология, как и любая наука, имеет свою историю. Предметный комплекс представлений об обществе возник задолго до ее появления. Базовые понятия, язык, методологические основы, концепции науки, а также вопросы о структуре, формах и функциях общества уходят корнями в античные времена. Их актуализация и развитие происходили в эпоху Возрождения и окончательно сформировались в эпоху Просвещения. Цель хрестоматии – проследить логику развития идей об общественном устройстве и месте человека в мире.

История формирования социальной мысли представлена в хрестоматии авторами, оказавшими наибольшее влияние на мировоззрение, мнения, идеологемы и дискурс своего времени. Хронологический порядок интеллектуальных памятников позволяет проследить, как развивались базовые понятия социологии. В зависимости от задач, стоящих перед преподавателем и студентами, можно обращаться к изучению социальных идей отдельных авторов, эпох или концепций. Поскольку хрестоматия носит прикладной характер, поместить все релевантные тексты, отражающие периоды развития досоциологической мысли, невозможно. Остается надеяться, что знакомство с предложенными фрагментами подтолкнет студентов к прочтению не только представленных в отрывках произведений (полностью), но и других трудов этих авторов и гуманитарной мысли в целом.

Содержание хрестоматии включает в себя подборку фрагментов текстов мыслителей и философов о формах социального устройства и законах его функционирования, созданных в период от античных времен до возникновения социологии как науки.

Тема I. ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГОСУДАРСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ, СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ПРИНЦИПАХ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ В АНТИЧНОМ МИРЕ

Время: 2500 лет назад.

Место: Греция.

Исторический контекст: становление государства, развитие письменности и научного мировоззрения.

Идеи: знание провозглашается основой этики, нравственности, воспитания и государственного управления; происходит оформление научной методологии, основанной на мысли о приоритете рациональных способов постижения окружающего мира, опирающихся на разум и знание, а не на чувства и веру. «Ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н. э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н. э. <...> Человек может теперь внутренне противопоставить себя миру. Он открыл в себе истоки, позволяющие ему возвыситься над миром и над самим собой»¹.

1.1. Платон

Годы жизни: 429–347 до н. э. Платон был учеником Сократа и учителем Аристотеля, основал влиятельную философскую школу – Академию. В труде «Государство», написанном по традиции своего времени в виде диалогов с несколькими собеседниками, Платон рассуждает о причинах возникновения государства, анализирует справедливые и несправедливые формы его устройства. Источниками несчастья, как отдельного человека, так и государства в целом, философ считал неверные установки и противоречивость человеческой природы, стремящейся вместо саморазвития к удовольствиям. В предложенном фрагменте представлены рассуждения о справедливом государстве, основанном на разделении труда, главенстве законов и воспитании добродетельных нравов.

Государство²

Книга вторая

– Государство, – сказал я, – возникает, как я полагаю, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но во многом еще нуждается. Или ты приписываешь начало общества чему-либо иному?

– Нет, ничему иному.

¹Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. С. 32–34.

² Цит. по: Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1994. С. 130–136.

– Таким образом, каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства, не правда ли?

– Конечно.

– Таким образом, они кое-что уделяют друг другу и кое-что получают, и каждый считает, что так ему будет лучше.

– Конечно.

– Так давай же, – сказал я, – займемся мысленно построением государства с самого начала. Как видно, его создают наши потребности.

– Несомненно.

– А первая и самая большая потребность – это добыча пищи для существования и жизни.

– Безусловно.

– Вторая потребность – жилье, третья – одежда, и так далее.

– Это верно.

– Смотри же, – сказал я, – каким образом государство может обеспечить себя всем этим: не так ли, что кто-нибудь будет земледельцем, другой – строителем, третий – ткачом? И не добавить ли нам к этому сапожника и еще кого-нибудь из тех, кто обслуживает телесные наши нужды?

– Конечно.

– Самое меньшее, государству необходимо состоять из четырех или пяти человек.

– По-видимому.

– Так что же? Должен ли каждый из них выполнять свою работу с расчетом на всех? Например, земледelec, хотя он один, должен ли выращивать хлеб на четверых, тратить вчетверо больше времени и трудов и уделять другим от того, что он произвел, или же, не заботясь о них, он должен производить лишь четвертую долю этого хлеба, только для самого себя, и тратить на это всего лишь четвертую часть своего времени, а остальные три его части употребить на постройку дома, изготовление одежды, обуви и не хлопотать о других, а производить все своими силами и лишь для себя?

– Пожалуй, Сократ, – сказал Адимант, – первое будет легче, чем это.

– Здесь нет ничего странного, клянусь Зевсом. Я еще раньше обратил внимание на твои слова, что люди рождаются не слишком похожими друг на друга, их природа бывает различна, так что они имеют различные способности к тому или иному делу. Разве не таково твое мнение?

– Да, таково.

– Так что же? Кто лучше работает – тот, кто владеет многими искусствами или же только одним?

– Тот, кто владеет одним.

– Ясно, по-моему, и то, что стоит упустить время для какой-нибудь работы, и ничего не выйдет.

– Конечно, ясно.

– И, по-моему, никакая работа не захочет ждать, когда у работника появится досуг; наоборот, он постоянно должен уделять ей внимание, а не заниматься ею так, между прочим.

– Непременно.

– Поэтому можно сделать все в большем количестве, лучше и легче, если выполнять одну какую-нибудь работу соответственно своим природным задаткам, и притом вовремя, не отвлекаясь на другие работы.

– Несомненно.

– Так вот, Адимант, для обеспечения того, о чем мы говорили, потребуется больше чем четыре члена государства. Ведь земледелец, вероятно, если нужна хорошая соха, не сам будет изготавливать ее для себя, или мотыгу и прочие сельскохозяйственные орудия. В свою очередь и домостроитель – ему тоже требуется многое. Подобным же образом и ткач, и сапожник. Не так ли?

– Это правда.

– Плотники, кузнецы и разные такие мастера, если их включить в наше маленькое государство, сделают его многолюдным.

– И даже очень.

– Все же оно не будет слишком большим, даже если мы к ним добавим волопасов, овчаров и прочих пастухов, чтобы у земледельцев были волы для пахоты, у домостроителей вместе с земледельцами – подъяремные животные для перевозки грузов, а у ткачей и сапожников – кожа и шерсть.

– Но и немалым будет государство, где все это есть.

– Но разместить такое государство в местности, где не понадобится ввоза, почти что невозможно.

– Невозможно.

– Значит, вдобавок понадобятся еще и люди для доставки того, что требуется, из другой страны.

– Понадобятся.

– Но если такой посредник отправится в другую страну порожняком, не взяв с собой ничего такого, в чем нуждаются те люди, от которых он собирается забрать то, что нужно здесь, то он так и уедет от них ни с чем.

– По-моему, да.

– Следовательно, здесь нужно будет производить не только то, что достаточно для самих себя, но и все то, что требуется там, сколько бы этого ни требовалось.

– Да, это необходимо.

– Нашей общине понадобится побольше земледельцев и разных ремесленников.

– Да, побольше.

– И посредников для всякого рода ввоза и вывоза. А ведь это – купцы. Разве нет?

– Да.

– Значит, нам потребуются и купцы.

– Конечно.

– А если это будет морская торговля, то вдобавок потребуется еще и немало людей, знающих морское дело.

– Да, немало.

– Так что же? Как будут они передавать друг другу все то, что каждый производит внутри самого государства? Ведь ради того мы и основали государство, чтобы люди вступили в общение.

– Очевидно, они будут продавать и покупать.

– Из этого у нас возникнет и рынок, и монета – знак обмена.

– Конечно.

– Если земледелец или кто другой из ремесленников, доставив на рынок то, что он производит, придет не в одно и то же время с теми, кому нужно произвести с ним обмен, неужели же он, сидя на рынке, будет терять время, нужное ему для работы?

– Вовсе нет, – сказал Адимант. – Найдутся ведь люди, которые, видя это, предложат ему свои услуги. В благоустроенных государствах это, пожалуй, самые слабые телом и непригодные ни к какой другой работе. Они там, на рынке, только того и дожидаются, чтобы за деньги приобрести что-нибудь у тех, кому нужно сбыть свое, и опять-таки обменять это на деньги с теми, кому нужно что-то купить.

– Из-за этой потребности появляются у нас в городе мелкие торговцы. Разве не назовем мы так посредников по купле и продаже, которые засели на рынке? А тех, кто странствует по городам, мы назовем купцами.

– Конечно.

– Бывают, я думаю, еще и какие-то иные посредники: разумение их таково, что с ними не очень-то стоит общаться, но они обладают телесной силой, достаточной для тяжелых работ. Они продают внаем свою силу и называют жалованьем цену за этот наем, потому-то, я думаю, их и зовут наемниками. Не так ли?

– Конечно, так.

– Для полноты государства, видимо, нужны и наемники.

– По-моему, да.

– Так разве не разрослось у нас, Адимант, государство уже настолько, что можно его считать совершенным?

– Пожалуй.

– Где же в нем место справедливости и несправедливости? В чем из того, что мы разбирали, они проявляются?

– Я лично этого не вижу, Сократ. Разве что в какой-то взаимной связи этих самых занятий.

– Возможно, ты прав. Надо тщательно исследовать и не отступаться. Прежде всего, рассмотрим образ жизни людей, так подготовленных. Они будут производить хлеб, вино, одежду, обувь, будут строить дома, летом большей частью работать обнаженными и без обуви, а зимой достаточно одетыми и обутыми. Питаться они будут, изготавливая себе крупу из ячменя и пшеничную муку; крупу будут варить, тесто месить и выпекать из него великолепные булочки и хлеб, раскладывая их в ряд на тростнике или на чистых листьях. Возлежа на

подстилках, усеянных листьями тиса и мирта, они будут пировать, и сами и их дети, попивая вино, будут украшать себя венками и воспевать богов, радостно общаясь друг с другом; при этом, остерегаясь бедности и войны, они будут иметь детей не свыше того, чем позволяет им их состояние.

Тут Главкон прервал меня:

– Похоже, ты заставляешь этих людей угощаться без всяких приправ!

– Твоя правда, – сказал я, – совсем забыл, что у них будут и приправы. Ясно, что у них будет и соль, и маслины, и сыр, и лук-порей, и овощи, и они будут варить какую-нибудь деревенскую похлебку. Мы добавим им и лакомства: смокву, горошек, бобы; плоды мирта и буковые орехи они будут жарить на огне и в меру запивать вином. Так проведут они жизнь в мире и здоровье и, достигнув, по всей вероятности, глубокой старости, скончаются, завещав своим потомкам такой же образ жизни. <...> То государство, которое мы разобрали, представляется мне подлинным, то есть здоровым. Если вы хотите, ничто не мешает нам присмотреться и к государству, которое лихорадит. В самом деле, иных, по-видимому, не удовлетворит все это и такой простой образ жизни – им подавай и ложа, и столы, и разную утварь, и кушанья, мази и благовония, а также гетер, вкусные пироги, да чтобы всего этого было побольше. Выходит, что необходимым надо считать уже не то, о чем мы говорили вначале, – дома, обувь, одежду, нет, подавай нам картины и украшения, золото и слоновую кость – все это нам нужно. Не правда ли?

– Да.

– Так не придется ли увеличить это государство? То, здоровое, государство уже недостаточно, его надо заполнить кучей такого народа, присутствие которого в государстве не вызвано никакой необходимостью; таковы, например, всевозможные охотники, а также подражатели – их много по части рисунков и красок, много и в мусическом искусстве: поэты и их исполнители, рапсоды, актеры, хоревты, подрядчики, мастера различной утвари, изделий всякого рода и женских уборов. Понадобится побольше и посредников: разве, по-твоему, не нужны будут там наставники детей, кормилицы, воспитатели, служанки, цирюльники, а также кулины и повара? Понадобятся нам и свинопасы. Этого не было у нас в том, первоначальном государстве, потому что ничего такого не требовалось. А в этом государстве понадобится и это, да и множество всякого скота, раз идет в пищу мясо. Не так ли?

– Конечно.

– Потребность во врачах будет у нас при таком образе жизни гораздо больше, чем прежде.

– Много больше.

– Да и страна, тогда достаточная, чтобы прокормить население, теперь станет мала. Или как мы скажем?

– Именно так.

– Значит, нам придется отрезать часть от соседней страны, если мы намерены иметь достаточно пастбищ и пашен, а нашим соседям в свою очередь захочется отхватить часть от нашей страны, если они тоже пустятся в бесконечное стяжательство, перейдя границы необходимого.

- Это совершенно неизбежно, Сократ.
- В результате мы будем воевать, Главкон, или как с этим будет?
- Да, придется воевать.
- Пока мы еще ничего не станем говорить о том, влечет ли за собой война зло или благо, скажем только, что мы открыли причину войны – главного источника частных и общественных бед, когда она ведется.
- Конечно.
- Вдобавок, друг мой, придется увеличить наше государство не на какой-то пустяк, а на целое войско: оно выступит на защиту всего достояния, на защиту того, о чем мы теперь говорили, и будет отражать нападение.
- Как так? Разве мы сами к этому не способны?
- Не способны, если ты и все мы правильно решили этот вопрос, когда строили наше воображаемое государство. Решили же мы, если ты помнишь, что невозможно одному человеку с успехом владеть многими искусствами.
- Ты прав.
- Что же? Разве, по-твоему, военные действия не требуют искусства?
- И даже очень.
- Разве надо больше беспокоиться о сапожном, а не о военном искусстве?
- Ни в коем случае.
- Чтобы у нас успешнее шло сапожное дело, мы запретили сапожнику даже пытаться стать земледельцем, или ткачом, или домостроителем; так же точно и всякому другому мы поручили только одно дело, к которому он годится по своим природным задаткам, этим он и будет заниматься всю жизнь, не отвлекаясь ни на что другое, и достигнет успеха, если не упустит время. А разве не важно хорошее выполнение всего, что относится к военному делу? Или оно настолько легко, что земледelec, сапожник, любой другой ремесленник может быть вместе с тем и воином? Прилично играть в шашки или в кости никто не научится, если не занимался этим с детства, а играл так, между прочим. Неужели же стоит только взять щит или другое оружие и запастись военным снаряжением – и сразу станешь способен сражаться, будь то в рядах гоплитов или других воинов? Никакое орудие только оттого, что оно очутилось у кого-либо в руках, не сделает его сразу мастером или атлетом и будет бесполезно, если человек не умеет с ним обращаться и недостаточно упражнялся.
- Иначе этим орудиям и цены бы не было!
- Значит, чем более важно дело стражей, тем более оно несовместимо с другими занятиями, ведь оно требует мастерства и величайшего старания.
- Думаю, что это так.
- Для этого занятия требуется иметь соответствующие природные задатки.
- Конечно.
- Пожалуй, если только мы в состоянии, нашим делом было бы отобрать тех, кто по своим природным свойствам годен для охраны государства.

Актуальные цитаты Платона³

Истинна древняя пословица, что равенство создает дружбу.

/Законы. Книга шестая/

Судьба – путь от неведомого к неведомому.

/Сочинения платоновской школы. Определения/

Воля – целеустремленность, соединенная с правильным суждением.

/Сочинения платоновской школы. Определения/

Победа над самим собой есть первая и наилучшая из побед.

/Законы. Книга первая/

Стыд – страх перед ожидаемым бесчестьем.

/Сочинения платоновской школы. Определения/

Человек <...> – игрушка Бога. <...> Этому и надо следовать. <...> Надо жить играя.

/Законы. Книга седьмая/

Бедность заключается не в уменьшении <...> имущества, а в увеличении ненасытности.

/Законы. Книга пятая/

Рассудительность – это <...> умение обуздывать свои вожделения и страсти.

/Пир/

Чувства воспитываются <...> с помощью усвоения хороших привычек.

/Альбин. Учебник платоновской философии/

Во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что пригодно существующей власти.

/Государство. Книга первая/

Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги.

/Государство. Книга четвертая/

³ Цит. по: Платон. Собрание сочинений в 4 т. / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1986. 1994.

1.2. Аристотель

Годы жизни: 384 – 322 г. до н. э.; ученик Платона, наставник Александра Македонского, основатель философской школы – Ликей. Стараясь вникнуть в суть происходящего вокруг и понять причинно-следственные связи, Аристотель не только заложил основы многих научных дисциплин (физики, биологии, политики, экономики, философской этики и т. п.), но и создал методологию научного познания – формальную (аристотелевскую) логику. Сочинения Аристотеля охватывают широчайший спектр вопросов, в том числе касающихся сущности человека и государства как высшей формы общества, а также способов устройства государств. Предложенные фрагменты из труда «Политика» отражают взгляды Аристотеля на государство как главную, наивысшую форму сосуществования людей; на человека как существо политическое, а также предоставляют возможность познакомиться с логикой и стилем рассуждения мыслителя.

Политика⁴

Книга первая (А) [о том, что такое государство, – *прим. сост.*]

1. Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общине, всякое же общине организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общины стремятся <...> к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общине, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общины. Это общине и называется государством или общиной политическим. <...>

3. Излагаемое станет ясным при рассмотрении с помощью усвоенного нами ранее метода: как в других случаях, расчлняя сложное на его простые элементы (мельчайшие части целого) и рассматривая, из чего состоит государство, мы и относительно перечисленных понятий лучше увидим, чем они отличаются одно от другого и возможно ли каждому из них дать научное объяснение. <...>

6. Итак, из указанных двух форм общины получается первый вид общины – семья. <...>

7. Община, состоящее из нескольких семей и имеющее целью обслуживание не кратковременных только потребностей, – селение. <...>

8. Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство – продукт

⁴ Цит. по: Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4 / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1983. С. 376–380.

естественного возникновения, как и первичные общения: оно является завершением их, в завершении же сказывается природа. <...>

9. Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо в сверхчеловек; его и Гомер поносит, говоря «без роду, без племени, вне законов, без очага»; такой человек по своей природе только и жаждет войны; сравнить его можно с изолированной пешкой на игральной доске.

10. Что человек есть существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные, ясно из следующего: природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно; между тем один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос выражает печаль и радость, поэтому он свойствен и остальным живым существам (поскольку их природные свойства развиты до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущения друг другу). Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо.

11. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т. п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства. Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части. <...>

Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо. Человек, нашедший свое завершение, – совершеннейшее из живых существ, и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, – наихудший из всех, ибо несправедливость, владеющая оружием, тяжелее всего; природа же дала человеку в руки оружие – умственную и нравственную силу, а ими вполне можно пользоваться в обратную сторону. Поэтому человек, лишенный добродетели, оказывается существом самым нечестивым и диким, низменным в своих половых и вкусовых позовах. Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения.

Актуальные цитаты Аристотеля⁵

Человек по своей природе есть существо общественное.

/Никомахова этика/

Природа ничего не создает в незаконченном виде и напрасно, <...> она создает все ради людей.

/Политика/

Душа властвует над телом, как господин, а разум над вашими стремлениями – как государственный муж. Отсюда ясно, сколь естественно и полезно для тела быть в подчинении у души, а для подверженной аффектам части души – быть в подчинении у разума и рассудочного элемента души и, наоборот, какой всегда получается вред при равном или обратном соотношении.

/Политика/

Мудрость – это самая точная из наук.

/Никомахова этика/

Нельзя хорошо начальствовать, не научившись повиноваться.

/Политика/

Счастье заключено в досуге.

/Никомахова этика/

Мы лишаемся досуга, чтобы иметь досуг, и войну ведем, чтобы жить в мире.

/Никомахова этика/

⁵ Аристотель. Сочинения: В 4 т. / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1976–1983.

Тема II. ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА НАУК, НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДОГОВОРНОЙ ПРИРОДЕ ГОСУДАРСТВА И РОЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В XV–XVII вв.

Время: XV–XVII вв.

Место: Западная Европа.

Исторический контекст: формирование государств с абсолютистской монархической властью; развитие университетов; изобретение книгопечатания; географические открытия; усиление роли наук; раскол католической церкви (протестантизм, кальвинизм) и ослабление ее влияния на политическую жизнь.

Идеи: мир познаваем, государство – продукт договоренности между людьми, соответственно, им можно управлять. Появление политтехнологий.

2.1. Никколо Макиавелли

Годы жизни: 1469–1527; итальянский мыслитель, политический деятель, философ. Труды Н. Макиавелли: «Государь», «История Флоренции», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и др. – основаны на идее о государстве как созданном людьми объединении, нуждающемся в управлении. Политика представлена самостоятельным объектом исследования, продуктом человеческой активности в борьбе за власть. По сути, работы мыслителя являются первыми политтехнологическими инструкциями. В предложенном отрывке представлены рассуждения Н. Макиавелли о том, что республика предпочтительнее монархии, поскольку отдельному человеку сложнее изменить привычный порядок вещей, чем группе.

Рассуждения о первой декаде Тита Ливия⁶

Книга третья

Глава IX. Кто хочет быть всегда удачливым, должен меняться
сообразно времени

Я неоднократно замечал, что причина людских успехов и неудач заключается в соответствии образа действий с требованиями времени, ведь известно, что некоторым людям присуще действовать напористо, а другим осторожно и предусмотрительно. Поскольку в обоих случаях трудно удержаться в должных рамках, и те, и другие сбиваются с правильного пути и допускают просчеты. Но меньше ошибается и более удачлив тот, кто, как я уже сказал, своим образом действий не противоречит времени и поступает

⁶ Цит. по: Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма: Сб./ Пер. с итал. М.: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 390–392.

всегда согласно своим естественным побуждениям. Всякому известно, что Фабий Максим командовал своим войском осторожно и с оглядкой, ни в коей мере не используя присущие римлянам напор и отвагу, но удача способствовала ему потому, что этот образ действий соответствовал велению времени. Ведь когда молодой Ганнибал, баловень фортуны, вторгся в Италию и дважды разгромил римский народ, так что республика трепетала, почти лишившись хорошего войска, для нее не было большего везения, чем располагать полководцем, который сдерживал бы врага своей медлительностью и осторожностью. Также и Фабий не мог ожидать более благоприятного для его характера времени, отчего он и покрыл себя славой. А то, что он обязан этим своей природе, а не доброй воле, видно из того, что когда Сципион хотел переправиться с войском в Африку, чтобы завершить войну, Фабий этому сильно противился, ибо не мог отказаться от присущих ему свойств и привычек, и если бы он настоял на своем, Ганнибал остался бы в Италии, потому что Фабий не замечал, что времена изменились и нужно по-другому вести войну. И если бы он был римским царем, он легко мог бы проиграть эту войну, не умея подчинять свои поступки изменившимся обстоятельствам. Но поскольку он был рожден в республике, обладавшей разными гражданами и разными мнениями, то, используя качества Фабия, замечательно подходившие в свое время для того, чтобы продержаться, в дальнейшем она использовала качества Сципиона, чтобы выиграть войну.

Вот отчего республики бывают более жизнеспособными и им дольше сопутствует удача, чем государям. Республики лучше приспособляются к разнообразию обстоятельств благодаря различию качеств своих граждан, чего государю не дано. Человек, который привык поступать согласно своему нраву, как мы говорили, никогда не меняется, поэтому он неизбежно терпит крушение, когда наступают времена, для него неблагоприятные.

Уже упоминавшийся несколько раз Пьеро Содерини выказывал во всем терпимость и человеколюбие. Ему и его отчизне было обеспечено благоденствие, пока время соответствовало его образу действия, но когда наступил час порвать с покорностью и терпением, он не сумел этого сделать и потерпел поражение вместе со своим отечеством. Папа Юлий II на всем протяжении своего понтификата действовал яростно и напористо, и поскольку тому благоприятствовало время, все его начинания удались. Но если бы наступило время, требующее других решений, его ждал бы неминуемый крах, потому что он не стал бы менять свои обычаи и повадки. Мы вообще не можем меняться по двум причинам: во-первых, нам трудно противостоять тому, к чему нас склоняет природа; во-вторых, когда человек каким-то способом добился успеха, невозможно убедить его, что он может преуспеть, поступая по-другому; вот почему удача отворачивается от людей: фортуна зависит от обстоятельств, а люди упорствуют в своем поведении. Точно так же гибнет государство, ибо республики со временем не изменяют своих порядков, о чем мы подробно говорили выше; они слишком медлительны и запаздывают с нововведениями, для чего требуются основательные потрясения, ибо отдельные невзгоды не столкнут республику с проторенной дороги.

Актуальные цитаты Никколо Макиавелли⁷

Народные массы мудрее и постояннее государя.

/Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Книга первая/

Лучшая из всех крепостей – не быть ненавистным народу: какие крепости ни строй, они не спасут, если ты ненавистен народу, ибо когда народ берется за оружие, на подмогу ему всегда явятся чужеземцы.

/Государь/

Государю нет необходимости обладать всеми добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими.

/Государь/

Дела, негодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные – исполнять сами.

/Государь/

Как показывает опыт, заговоры возникали часто, но удавались редко.

/Государь/

Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму.

/Государь/

Всякая перемена прокладывает путь другим переменам.

/Государь/

Люди большей частью судят по виду, ибо увидеть дано всем, а потрогать руками – немногим.

/Государь/

Люди так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить.

/Государь/

Любовь плохо уживается со страхом.

/Государь/

Ибо умы бывают трёх родов: один всё постигает сам; другой может понять то, что постиг первый; третий – сам ничего не постигает и постигнутого другим понять не может. Первый ум – выдающийся, второй – значительный, третий – негодный.

/Государь/

⁷ Цит. по: Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма: Сб./ Пер. с итал. М.: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Издательство АСТ», 2004.

2.2. Томас Гоббс

Годы жизни: 1588–1679; английский философ, один из основателей современной политической философии; первый, кто сформулировал теорию общественного договора и теорию государственного суверенитета. Идеолог «вертикального общественного договора» (люди передают власти монопольное право на насилие, законотворчество и поддержание общественного единства). В предложенном фрагменте мыслитель обосновывает необходимость следования ряду законов для обеспечения поддержания такого порядка, который гарантировал бы всем мирное сосуществование; определяет ряд понятий: право, свобода, соглашение, договор как акт передачи права на насилие отдельными индивидами государственной власти. Задачей государства в таком случае становится поддержание законного порядка. Благодаря Т. Гоббсу понятия «общественный договор» и «гражданское общество» вошли в научный лексикон, разрабатывались и переосмысливались в следующих столетиях, закладывая основы современной социально-политической структуры западных обществ.

Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского⁸

Глава XIV. О первом и втором естественных законах и о договорах

Что такое естественное право (right of nature). *Естественное право*, называемое обычно писателями jus naturale, есть свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т. е. собственной жизни, и, следовательно, свобода делать все то, что, по его суждению, является наиболее подходящим для этого.

Что такое свобода. *Под свободой*, согласно точному значению слова, подразумевается отсутствие внешних препятствий, которые нередко могут лишить человека части его власти делать то, что он хотел бы, но не могут мешать использовать оставленную человеку власть сообразно тому, что диктуется ему его суждением и разумом.

Что такое естественный закон (law of nature). *Естественный закон*, lex naturalis, есть предписание, или найденное разумом (reason) общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или что лишает его средств к ее сохранению, и пренебрегать тем, что он считает наилучшим средством для сохранения жизни.

Различие между правом и законом. Следует различать jus и lex – *право и закон*, хотя тот, кто пишет на эту тему, обычно смешивает эти понятия, ибо право состоит в свободе делать или не делать, между тем как закон определяет

⁸ Цит. по: Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 2. / Пер. с лат. и англ. М.: Мысль, 1991. С. 98–123.

и обязывает к тому или другому члену этой альтернативы, следовательно, закон и право различаются между собой. Так же как обязательство и свобода, которые несовместимы в отношении одной и той же вещи.

В естественном состоянии каждый человек имеет право на все. Так как состояние человека (как было указано в предыдущей главе), есть состояние войны всех против всех, когда каждый управляется своим собственным разумом и нет ничего, чего он не мог бы использовать в качестве средства для спасения от врагов, то отсюда следует, что в таком состоянии каждый человек имеет право на все, даже на жизнь всякого другого человека. Поэтому, до тех пор, пока сохраняется право всех на все, ни один человек (как бы силен или мудр он ни был) не может быть уверен в том, что сможет прожить время, которое природа обычно предоставляет человеческой жизни. Следовательно, предписание, или общее правило, разума гласит, что *всякий человек должен добиваться мира, если у него есть надежда достигнуть его; если же он не может его достигнуть, то он может использовать любые средства, дающие преимущество на войне.*

Основной естественный закон. Первая часть этого правила содержит первый и основной естественный закон, гласящий, *что следует искать мира и следовать ему.* Вторая часть есть содержание естественного права, сводящегося к праву *защищать себя всеми возможными средствами.*

Второй естественный закон. От этого основного естественного закона, согласно которому люди должны стремиться к миру, происходит другой закон, гласящий, *что в случае согласия на то других человек должен согласиться отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, которую он допустил бы у других людей по отношению к себе.* Ибо до тех пор, пока каждый человек держится за это право – делать все, что он хочет, все люди будут находиться в состоянии войны. Однако, если другие люди не желают следовать его примеру и отказаться от этого права, то нет никакого основания для кого бы то ни было лишиться его, ибо это означало бы скорее отдать себя на разграбление (чего никто не обязан желать), чем показать свою готовность к миру. Именно таков закон Евангелия: *поступай по отношению к другим так, как ты желал бы, чтобы другие поступали по отношению к тебе.* <...>

Взаимное перенесение права есть то, что люди называют *договором* (contract).

Что такое договор. Следует различать перенесение права на вещь и перенесение или передачу, т. е. вручение, самой вещи. Ибо вещь может быть вручена одновременно с перенесением права, как, например, при покупке и продаже, за наличный расчет либо при обмене товаров, или земель; и может быть вручена некоторое время спустя.

Что такое соглашение. Может быть и так, что одна из сторон вручает вещь, предоставить которую она обязана по договору, и позволяет другой стороне выполнить обязательства к определенному, более позднему сроку, оставаясь некоторое время должником, и тогда участие первой стороны

в договоре называется *соглашением* (covenant), или обе стороны могут договориться сразу о том, что их взаимные обязательства будут выполнены после. В обоих этих случаях выполнение своих обязательств тем, кто должен их выполнить в будущем, называется *сдержанием обещания*, или верностью, а невыполнение (если оно преднамеренно) – *нарушением верности*.

Дар. Когда перенесение права не взаимно, а лишь одна из сторон переносит свое право на другую сторону в надежде приобрести этим дружбу или какую-нибудь услугу от нее или друзей, или в надежде приобрести славу милосердного и великодушного человека или освободить душу от тяжелого чувства сострадания, или в надежде на награду на небесах, тогда это перенесение права является не договором, а даром, добровольным даром, благодарением, каковые слова означают одно и то же. <...>

Когда соглашения, основанные на взаимном доверии, оказываются недействительными. Если заключено соглашение, при котором ни одна из сторон не выполняет своих обязательств немедленно, а доверяет друг другу, то в естественном состоянии (которое есть состояние войны всех против всех) такое соглашение при мало-мальски обоснованном подозрении одной из сторон, что противная сторона не выполнит своих обязательств, оказывается недействительным. Если же имеется стоящая над обеими сторонами общая власть, имеющая право и достаточно сил, чтобы принудить их к выполнению соглашения, то оно действительно. В самом деле, тот, кто первый выполняет условия соглашения, не имеет уверенности в том, что другой со своей стороны выполнит их потом, ибо там, где нет боязни принудительной власти, словесные обязательства слишком слабы, чтобы они могли обуздывать честолюбие, корыстолюбие, гнев и другие страсти; но такой принудительной власти нельзя предполагать в естественном состоянии, где все люди равны и сами решают, насколько справедливы их собственные опасения. Поэтому тот, кто первый выполняет условия соглашения, лишь выдает себя врагу, что противоречит праву (от которого он никогда не может отречься) защищать свою жизнь и средства к жизни. <...>

Право на цель содержит право на средства. Тот, кто переносит какое-нибудь право, переносит также, поскольку это в его власти, и средства использования этого права. Например, тот, кто продает участок земли, должен быть понят так, что он одновременно передает и травы, и все, что произрастает на нем; так и тот, кто продает мельницу, не может отвести реку, приводящую эту мельницу в движение. А те, кто облакает человека правом верховной власти, должны быть поняты так, что одновременно они дают ему право взимать налоги для содержания солдат, а также право назначения судей для отправления правосудия. <...>

Каким образом соглашения оказываются бесполезными. От обязательств, наложенных соглашением, люди могут быть освобождены двояким путем: выполнением и прощением. Выполнение есть естественный конец обязательства, а прощение есть восстановление свободы, являясь перенесением того права, в котором состояло обязательство. <...>

Глава XV. О других естественных законах

Третий естественный закон – справедливость. <...>

Что такое справедливость и несправедливость. В этом естественном законе заключаются источники и начало *справедливости*. Ибо там, где не имело места предварительное заключение договора, не было перенесено никакое право и каждый человек имеет право на все, и, следовательно, никакое действие не может быть несправедливым. Но если договор заключен, то его нарушение – *несправедливо*. *Несправедливость* же есть не что иное, как *невыполнение договора*. А все, что не несправедливо, *справедливо*.

Справедливость и собственность начинаются с основания государства.

<...> Прежде чем слова *справедливое* и *несправедливое* смогут иметь место, должна быть какая-нибудь принудительная власть, которая угрозой наказания, перевешивающего благо, которое люди ожидают от нарушения ими своего соглашения, принуждала бы всех в одинаковой мере к выполнению соглашений и упрочила бы ту собственность, которую люди приобретают путем взаимных договоров взамен отказа от всеобщего права. Такая власть может появиться лишь с основанием государства. К нашему заключению можно прийти также, исходя из определения справедливости, данного схоластами. Это определение гласит: «Справедливость есть неизменная воля давать каждому человеку его собственное». Таким образом, там, где нет *собственного*, т. е. собственности, нет *несправедливости*, а там, где нет организованной принудительной власти, т. е. где нет государства, нет собственности, ибо там все имеют право на все. Поэтому там, где нет государства, нет несправедливости. Природа справедливости, таким образом, состоит в выполнении соглашений, имеющих обязательную силу, но обязательная сила соглашений начинается лишь с установления гражданской власти, достаточно сильной, чтобы принудить людей к выполнению своих соглашений, с чем совпадает также начало собственности. <...>

Четвертый естественный закон – благодарность. Если справедливость обусловлена предварительным соглашением, то *благодарность* обусловлена предварительной милостью, т. е. предварительным даром, и является четвертым естественным законом, который может быть сформулирован так: *человек, получивший благодеяние от другого лишь из милости, должен стремиться к тому, чтобы тот, кто оказывает это благодеяние, не имел разумного основания раскаиваться в своей доброте*. Ибо всякий человек дарит лишь с намерением приобрести этим какое-нибудь благо для себя. В самом деле, всякое дарение есть добровольное деяние, а целью всех добровольных деяний человека является приобретение блага для себя. И если люди увидят себя обманутыми в этом, то исчезнет всякое основание для благоволения или доверия и, следовательно, исчезнет всякая взаимопомощь, не будет никакого примирения людей между собой, и люди, таким образом, все еще будут оставаться в состоянии войны, что противоречит первому и основному естественному закону, предписывающему людям *искать мира*. Нарушение этого закона называется

неблагодарностью и имеет такое же отношение к милости, какое справедливость имеет к обязательству, вытекающему из соглашения.

Пятый закон – взаимная уступчивость или любезность. Пятый естественный закон есть закон *любезности*, а именно что *каждый человек должен приноравливаться ко всем остальным*. Для понимания этого закона следует принять во внимание, что в зависимости от различия их склонностей люди в различной степени приспособлены к жизни в обществе, представляя в этом отношении нечто похожее на то, что мы наблюдаем в груде камней, собранных для постройки какого-либо здания. Ибо, подобно тому как строители выбрасывают как негодный и мешающий тот камень, который вследствие своей шероховатости и неправильности формы отнимает у других больше пространства, чем занимает сам, а вследствие своей жесткости не может быть сделан гладким, затрудняя этим строительство, точно так же не должен быть принят в общество или должен быть выброшен из него как негодный человек, который в силу шероховатости своей натуры стремится удержать за собой то, что для него является чем-то излишним, а для других – предметом необходимости и который в силу непреклонности своих страстей не может быть исправлен. В самом деле, так как мы видим, что любой человек не только по праву, но также и в силу естественной необходимости (*necessity of nature*) должен употребить всевозможные усилия к приобретению того, что необходимо для его сохранения, то тот, кто будет противодействовать этому в отношении излишних для него вещей, является виновником той войны, которую такое противодействие повлечет за собой, и будет поэтому делать нечто противоречащее основному естественному закону, предписывающему *добиваться мира*. Тот, кто соблюдает этот закон, может быть назван законопослушным (*sociable*) – римляне их называют *commodi*, а противники их называются *упрямыми, необходимыми, своенравными, несговорчивыми*.

Шестой закон – легко прощать обиды. Шестой естественный закон гласит: *при наличии гарантии в отношении будущего человек должен прощать прошлые обиды тем, кто, проявляя раскаяние, желает этого*. Ибо прощение есть дарование мира. И хотя мир, дарованный тем, кто упорствует в своей враждебности, есть не мир, а страх, однако не даровать его тем, кто дает гарантии в отношении будущего, есть отвращение к миру и поэтому противоречит естественному закону.

Седьмой закон – при отмщении люди руководствуются только будущим благом. Седьмой закон гласит, что *при отмщении* (т. е. при воздаянии злом за зло) *люди должны соотносываться не с размерами совершенного зла, а с размерами того блага, которое должно последовать за отмщением*. Этим законом нам запрещается налагать наказание с какой-либо иной целью, нежели исправление преступника или предостережение других. Ибо этот закон вытекает из предшествующего, предписывающего прощение при наличии гарантий в отношении будущего. Кроме того, месть, от которой нельзя ожидать, что она послужит предостерегающим примером, и, следовательно, нельзя ожидать никакой пользы в будущем, есть бесцельный триумф, или торжество по поводу ущерба, нанесенного другому (ибо цель есть всегда нечто

будущее), бесцельное же торжество есть хвастливость и противоречит разуму, а нанесение ущерба, несообразного с разумом, ведет к войне, следовательно, противоречит естественному закону и обычно именуется *жестокостью*.

Восьмой закон – против оскорбления. Так как всякое проявление ненависти или презрения вызывает борьбу, поскольку большинство людей в таких случаях предпочитают скорее рисковать своей жизнью, чем оставаться неотмщенными, то мы можем на восьмом месте установить в качестве естественного закона правило, что *ни один человек не должен делом, словом, выражением лица или жестом выказывать ненависть или презрение другому*. Нарушение этого закона обычно именуется *нанесением оскорбления*.

Девятый закон – против гордости. Вопрос о том, кто является лучшим человеком, не имеет места в естественном состоянии, где (как это было показано ранее) все люди равны. Существующее в настоящее время неравенство было введено гражданскими законами. Я знаю, что Аристотель в первой книге своей «*Политики*» устанавливает в качестве основы своей доктрины, что некоторые люди предназначены самой природой к управлению, именно наиболее мудрые (к каковым он причислял и себя как философа), другие же – к службе (именно те, кто обладает сильным телом и не является, подобно ему, философом), как будто разделение на хозяев и слуг было установлено не соглашением людей, а различием ума, против чего говорит не только разум, но и опыт. В самом деле, мало найдется таких дураков, которые не предпочитали бы сами управлять собой и не быть управляемыми другими; и те, кто считает себя мудрым, не всегда, не часто и почти никогда не одерживают победы, когда они вступают в борьбу с теми, кто не доверяет собственной мудрости. Если природа поэтому сделала людей равными, то это равенство должно быть признано; если же природа сделала людей неравными, то равенство все же должно быть допущено, так как люди считают себя равными и вступят в мирный договор не иначе как на равных условиях. Вот почему я в качестве девятого естественного закона устанавливаю здесь, что *каждый человек должен признать других равными себе от природы*. Нарушение этого правила есть *гордость*.

Десятый закон – против надменности. Из этого закона вытекает другой, а именно *что при вступлении в мирный договор ни один человек не должен требовать предоставления себе какого-нибудь права, предоставит которое любому другому человеку он не согласился бы*. Подобно тому, как необходимо для всех людей, ищущих мира, отказаться от некоторых естественных прав, т. е. отказаться от свободы делать все, что им хочется, точно так же необходимо для человеческой жизни удерживать некоторые права, как, например, право управлять своим телом, пользоваться воздухом, водой, движением, дорогами для передвижения и всеми теми вещами, без которых человек не может жить, или не может жить хорошо. Если в этом случае, т. е. при заключении мира, люди требуют для себя того, чего они не желали бы предоставлять другим, то они поступают против предыдущего закона, предписывающего признание естественного равенства, и, следовательно, против естественного закона. Те, кто соблюдает этот закон, называются *скромными*, а те, кто его нарушает,

называются *надменными*. Греки называли нарушение этого закона *πλεονεξία*, т. е. желанием получить больше, чем причитается.

Одиннадцатый закон – беспристрастие. Точно так же если *человек уполномочен быть судьей в споре между двумя людьми*, то естественный закон предписывает, *чтобы он беспристрастно их рассудил*. Ибо в противном случае споры между людьми могут быть разрешены лишь войной. Поэтому тот, кто пристрастен в роли судьи, делает все от него зависящее, чтобы отклонить людей от использования судей и арбитров, и, следовательно (вопреки основному естественному закону), является причиной войны.

Соблюдение этого закона о равном распределении и воздаянии каждому того, что ему принадлежит по разуму, называется беспристрастием и является (как я говорил ранее) дистрибутивной справедливостью, нарушение же называется *лицеприятием*, по-гречески *προσωποληψία*.

Двенадцатый закон – равное использование общих вещей. Отсюда следует другой закон, а именно что *неделимые вещи должны быть, если это возможно, использованы сообща, причем, если количество вещей позволяет, без ограничения, в противном же случае – пропорционально числу тех, кто имеет право*, ибо иначе распределение неравномерно и небеспристрастно.

Тринадцатый закон – о жребии. Однако имеются некоторые вещи, которые не могут быть ни делимы, ни использованы сообща. В этом случае естественный закон, предписывающий беспристрастие, требует, чтобы *право владения в целом, или, иначе (если устанавливается поочередное пользование), первоочередное владение, предоставлялось по жребию*. Ибо равномерное распределение требуется естественным законом, а другого способа равномерного распределения нельзя представить.

Четырнадцатый закон – о первородстве и первом владении. *Жребий* бывает двоякого рода: *установленный* и *естественный*. Установленный – это тот, который устанавливается соглашением сторон; естественный же – это или первородство <...>, или первое владение.

Вот почему те вещи, которые не могут быть ни делимы, ни использованы сообща, должны быть присуждены первому владельцу, а в некоторых случаях первородженному как приобретенные по жребию.

Пятнадцатый закон – о посредниках. То, что *всем людям, которые являются посредниками мира, должна быть дана гарантия неприкосновенности*, – это тоже естественный закон. Ибо закон, предписывающий мир как цель, предписывает посредничество как средство, а средством для посредничества является гарантия неприкосновенности.

Шестнадцатый закон – о подчинении арбитражу. И так как даже при самой большой склонности людей к соблюдению законов, могут тем не менее, возникнуть вопросы в отношении действий человека: во-первых, было ли оно завершено или нет, а во-вторых (если было), совершено ли действие против закона или нет, из которых первый есть вопрос *факта*, а второй – вопрос *права*, то, если заинтересованные стороны не соглашаются взаимно подчиниться решению третьего лица, они далеки от мира, как никогда. Этот третий, решению которого они подчиняются, называется *арбитром*. И отсюда естественный закон,

гласящий, что в случае спора стороны должны подчинить свое право решению арбитра.

Семнадцатый закон – никто не может быть судьей самого себя. Так как имеется, как мы видим, предположение, что всякий человек делает все для своей выгоды, то никто не может быть справедливым арбитром в своем собственном деле. И если бы даже один из спорящих был справедлив, как никто, тем не менее на основании принципа беспристрастия, требующего предоставления одинаковых выгод обеим сторонам, мы, предоставляя одной стороне право быть судьей, должны были бы предоставить такое же право и другой стороне, и, таким образом, спор, являющийся причиной войны, оставался бы в силе, что было бы против естественного закона.

Восемнадцатый закон – никто не должен быть судьей в деле, в котором он в силу естественных причин имеет пристрастие. На том же основании не следует ставить арбитром того, кто явно извлекает больше пользы, чести или удовольствия от победы одной из сторон, ибо это означало бы, что судья получил (хотя и помимо своей воли) взятку, и никто не обязан был бы доверять ему. Таким образом, и в этом случае оставались бы в силе спор и состояние войны, что было бы против естественного закона.

Девятнадцатый закон – о свидетелях. А так как в спорах о *факте* судья не должен доверять одной стороне больше, чем другой (если нет других аргументов), то он должен доверять третьему лицу, или третьему и четвертому, или большему числу лиц, ибо иначе вопрос остался бы нерешенным и его решение было бы предоставлено силе, что было бы против естественного закона.

Таковы естественные законы, предписывающие мир как средство сохранения людей в массе и относящиеся лишь к учению о гражданском обществе. Имеются другие явления, ведущие к гибели отдельных людей, как, например, пьянство и иные проявления невоздержанности. Это явление можно было бы также причислить к тем, которые запрещены естественным законом. Но говорить о них нет необходимости, да и не совсем уместно это было бы здесь делать.

Правило, облегчающее рассмотрение естественных законов. И хотя все вышеизложенное может показаться слишком тонкой дедукцией естественных законов, чтобы стать доступным всем людям, большинство которых слишком занято добыванием средств к жизни, а меньшинство слишком нерадиво, чтобы понять такую дедукцию, однако, для того чтобы никто из людей не мог оправдываться незнанием этих законов, они были резюмированы в одном легком правиле, доступном пониманию и самого неспособного человека. И это правило гласит: *не делай другому того, чего ты не желал бы, чтобы было сделано по отношению к тебе.* Это правило говорит и самому неспособному человеку, что в отношении естественных законов ему следует знать одно, а именно что, если, при взвешивании действий других людей и собственных, первые окажутся слишком тяжелыми, он должен положить их на другую чашу весов, а собственные действия – на их место, с тем чтобы его собственные страсти и самолюбие ничего не могли прибавить к весу действий других людей. Усвоив себе это правило, он убедится в разумности всех естественных законов.

Законы природы всегда обязывают совесть, но они эффективны только там, где они надежно гарантированы. Естественные законы обязывают *in foro interno*, т. е. обязывают желать их осуществления, но они не всегда обязывают *in foro externo*, т. е. к проведению их в жизнь. Ибо тот, кто был бы скромн и мягок и выполнял бы все свои обещания в такое время и в таком месте, когда и где никто другой этого не делает, лишь отдал бы себя на разграбление другим и уготавил бы себе первую гибель, что идет вразрез с основами всех естественных законов, требующих сохранения жизни. С другой стороны, тот, кто, имея достаточные гарантии того, что другие будут соблюдать по отношению к нему указанные законы, не соблюдает их сам, тот ищет своей гибели от насилия.

Всякий закон, обязывающий *in foro interno*, может быть нарушен не только действием, противоречащим закону, но также и действием, находящимся в согласии с ним, в том случае, когда человек считает это действие противоречащим закону. Ибо хотя его действие в этом случае согласно с законом, его намерение, однако, направлено против закона, что является нарушением там, где обязательство лежит *in foro interno*.

Вечность естественных законов. Естественные законы неизменны и вечны. Ибо несправедливость, неблагодарность, надменность, гордость, криводушие, лицепрятие и остальные пороки никогда не могут стать правомерными, так как никогда не может быть, чтобы война сохраняла жизнь, а мир ее губил.

И легкость их соблюдения. Так как эти самые законы обязывают лишь к желанию и к усилиям, я имею в виду непритворные в неизменные усилия, то их легко соблюдать. Ибо там, где законы требуют лишь соответствующих усилий, тот, кто делает усилия в направлении их выполнения, исполняет их, а тот, кто исполняет закон, справедлив.

Наука об этих законах является истинной моральной философией. И наука об этих законах есть истинная и единственная моральная философия. Ибо моральная философия есть не что иное, как наука о том, что такое *добро* и *зло* в поступках и в человеческом обществе. *Добро* и *зло* суть имена, обозначающие наши расположения и отвращения, которые различны в зависимости от различий характера, привычек и образа мыслей людей. И разные люди различаются между собой своими суждениями не только в отношении ощущений, именно в отношении того, что приятно и что неприятно вкусу, обонянию, слуху, осязанию и зрению, но также и в отношении того, что сообразно или несообразно с разумом в человеческих действиях. Мало того, тот же самый человек в разное время различен, и в одно время он хвалит, т. е. называет добром, то, что в другое время он хулит и называет злом. Отсюда возникают диспуты, споры и, в конце концов, война. И поэтому до тех пор, пока человек находится в естественном состоянии (которое есть состояние войны), мерой добра и зла являются его личные влечения. Следовательно, все люди согласны в том, что мир есть добро, и в силу этого добром, т. е. *моральными добродетелями*, являются также пути или средства к миру, каковы (как я показал ранее) *справедливость, признательность, скромность, беспристрастие, прощение* и все остальные естественные законы; противоположные же качества

суть пороков, т. е. зло. Наука же о добродетели и пороке есть моральная философия, и поэтому истинное учение о естественных законах есть истинная моральная философия. Однако, хотя философы-моралисты признают указанные добродетели и пороки, они все же не видят, чем первые хороши; не понимая, что добродетели должны быть прославлены как средства мирной, общительной и удобной жизни, они усматривают все их значение в умеренности страстей, как будто бы не причина, а степень дерзновения составляет мужество или же не причина, а размер дарения составляет щедрость.

Актуальные цитаты Томаса Гоббса⁹

Отсюда видно, что, пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех.

/Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Часть I. О человеке/

Мы находим в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажда славы.

/Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Часть I. О человеке/

Зло, которого мы не можем ни преодолеть, ни избежать, мы ненавидим.

/Основ философии. Часть вторая. О человеке/

Счастье, под которым мы понимаем непрерывное удовольствие, состоит не в том, что мы в чем-либо преуспели, а в самом преуспевании.

/Человеческая природа/

Вера в себя прекрасна, ибо это признак человека, сознающего свои способности.

/Основ философии. Часть вторая. О человеке/

Желание нравиться есть не чувственное, а духовное удовольствие и состоит в представлении о своей способности доставить удовольствие другим.

/Человеческая природа/

В науках мы ищем причин не столько того, что было, сколько того, что могло бы быть.

/Основ философии. Часть вторая. О человеке/

Если богатый опыт есть благоразумие, то богатство знания есть мудрость.

/Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Часть I. О человеке/

⁹ Цит. по: Гоббс Т. Сочинения в 2 т. / Пер. с лат. и англ. М.: Мысль, 1989–1991.

Тема III. НАУЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ, ОБЩЕСТВЕ, ЗНАНИИ В XVII–XVIII вв.

Время: XVII–XVIII вв.

Место: Европа.

Исторический контекст: усиление авторитета науки, благодаря значимым открытиям (например, изобретение парового двигателя) и ее популяризации (например, издание Дидро 35-томной «Энциклопедии»); развитие всех уровней образования; расширение доступности университетов; рост населения городов; формирование буржуазии как класса; революции в Англии, США, Франции.

Идеи: торжество разума – мир познаваем научными методами (рационализм, эмпиризм); критика религиозного миропонимания и развитие атеизма; признание значения воспитания и образования как способов совершенствования человека; свобода и равенство являются неотъемлемыми правами человека, задача государства состоит в их обеспечении; развитие договорной теории государства.

3.1. Джон Локк

Годы жизни: 1632–1704; английский философ, труды которого положили начало оформлению идеологии либерализма. Его идеи повлияли на многих мыслителей как Просвещения, включая Вольтера и Руссо, так и более поздних философов – Юма, Канта. Они были использованы при написании Декларации независимости США. Обоснованное ученым значение общественного мнения как регулятора социальной жизни предопределило научный интерес к данному феномену.

Д. Локк, как представитель эмпиризма, считал опыт основой не только научной методологии, но и социальной жизни. Ученый, отрицая существование независимых от человека идей, на чем настаивали Платон и Декарт, утверждал, что знание определено только опытом, полученным чувственным восприятием, человек рождается «чистым листом», общество через воспитание, правила и другие регуляторы, определяет его на те или иные социальные позиции. Следовательно, никакого аристотелевского естественного неравенства не существует. В отличие от Т. Гоббса считал естественное (догосударственное) состояние людей не «войной всех против всех», а сосуществование по принципам «не навреди другому». Естественными правами человека Д. Локк называл свободу, равенство, собственность; гарантом и защитником этих прав должно выступать государство. Идеолог «горизонтального общественного договора» – власть также ограничивается законом, как и остальные граждане. В предложенном фрагменте философ рассматривает три типа законов, регулирующих поведение людей в обществе, среди которых общественное мнение – наиболее значимый.

Опыт о человеческом разумении¹⁰

Книга вторая

Глава двадцать восьмая. О других отношениях

6. *Нравственные правила.* Этих *нравственных правил* или законов, к которым обычно обращаются люди и по которым судят о справедливости или испорченности своих действий, мне кажется, существует *три рода* с и тремя различными видами принуждения, или наградами и наказаниями. Так как совершенно напрасно было бы думать об установлении правила для свободных действий человека, не присоединяя к нему каких-либо мер принуждения в виде добра или зла, чтобы определить волю человека, то мы должны всюду, где мы устанавливаем закон, присоединить к нему и какую-то награду или наказание. Тщетно некое разумное существо устанавливало бы правила для действий другого, если бы у него не было власти награждать за соблюдение своих правил и карать за уклонение от них каким-нибудь добром или злом, которые не являются естественным результатом и последствием самого действия, ибо такие последствия, будучи, естественно, выгодными или невыгодными, действовали бы и сами по себе, без закона. Такова, если я не ошибаюсь, истинная природа всякого *закона* в точном смысле этого слова.

7. *Законы.* Законы, к которым люди обычно обращаются, чтобы судить о правильности или неправильности своих действий, бывают, мне кажется, следующих трех родов: 1) законы *божественные*; 2) законы *гражданские*; 3) законы *общественного мнения*, или *доброе имени*, если можно их так назвать. Обращаясь к первому роду законов, люди судят о том, являются ли их действия грехом или исполнением долга; обращаясь ко второму роду законов – преступны они или безвредны; обращаясь к третьему роду законов – являются ли они добродетелями или пороками.

8. *Божественный закон есть мера греха и исполнения долга.* Во-первых, под *божественным* законом я разумею закон, который установлен для человеческих действий богом и который бывает обнародован людям или светом природы, или голосом откровения. Я думаю, никто не безрассуден настолько, чтобы отрицать, что бог дал правило, которым люди должны руководствоваться. Он имеет право делать это: мы – его создания. Он имеет доброту и мудрость направлять наши действия к тому, что лучше всего. Он имеет также власть придать силу этому закону наградами и наказаниями бесконечной значимости и продолжительности в иной жизни, ибо никто не может вырвать нас из его рук. Этот закон есть единственный подлинный пробный камень *строгой нравственности*. Сравнивая свои действия с этим законом, люди судят о наиболее важном *нравственном добре* или *зле* их, т. е. о том, могут ли они как *исполнение долга* или как *грехи* доставить им счастье или несчастье из рук всемогущего.

9. *Гражданский закон есть мерило преступления и невиновности.* Во-вторых, закон *гражданский* – правило, установленное государством для людей,

¹⁰ Цит. по: Локк Джон Сочинения в 3 т. Т. 1. / Пер. с англ. М.: Мысль, 1985. С. 405–410.

принадлежащих к государству, – есть другое правило, к которому люди обращаются, чтобы судить о том, *преступны* ли их действия или нет. Этого закона никто не упускает из виду: придающие ему силу награды и наказания всегда под рукой и соответствуют устанавливающей его власти, которая есть сила государства, обязанного охранять жизнь, свободу и имущество людей, живущих по его законам, и имеющего власть отнимать жизнь, свободу и имущество у неповинующегося в виде наказания за нарушение этого закона.

10. *Философский закон есть мерило добродетели и порока.* В-третьих, закон общественного мнения, или *доброго имени*. Повсюду предполагают и утверждают, что «добродетель» и «порок» – это слова, обозначающие действия, по самой своей природе правильные или неправильные, и в той мере, в какой они действительно так употребляются, они совпадают с вышеупомянутым *божественным законом*. Но что бы ни говорили, очевидно то, что слова «добродетель» и «порок» в отдельных случаях своего употребления у различных народов и человеческих обществ постоянно применяются только к таким действиям, которые в каждой стране и каждом обществе пользуются хорошей или дурной славой. И нет ничего странного в том, что люди везде давали название *добродетели* тем действиям, которые у них считались похвальными, и называли *пороком* то, что признавали достойным порицания. Ибо они осуждали бы самих себя, если бы вынуждены были считать *правильным* то, чего они не могли уважать, и *неправильным* то, что они оставляли без порицания. Таким образом, мерилом того, что везде называется и считается *добродетелью* и *пороком*, являются те одобрение или нерасположение, восхваление или порицание, которые по скрытому и молчаливому согласию устанавливаются в различных человеческих обществах, племенах и компаниях и благодаря которым различные действия приобретают хорошую или дурную славу согласно суждениям, принципам или обычаям данной местности. Хотя люди, соединяясь в политические общества, отказываются в пользу государства от права распоряжаться всею своею силою, так что не могут пользоваться ею против своих сограждан больше, чем позволяет закон страны, однако они все же сохраняют право быть хорошего или плохого мнения о действиях людей, среди которых живут и с которыми общаются, одобрять или не одобрять эти действия. В силу этого одобрения или неприязни они и устанавливают между собой то, что они намерены называть *добродетелью* и *пороком*.

11. Что обычное *мерило добродетели и порока* именно таково, станет ясно для всякого, кто обратит внимание на следующее: хотя в одной стране признается *пороком* то, что в другой считается *добродетелью* или по крайней мере *не пороком*, однако повсюду добродетель и восхваление, порок и порицание стоят рядом. Повсюду *добродетель* есть то, что считается похвальным, и только то, что пользуется общественным уважением, называется *добродетелью*. *Добродетель* и восхваление так тесно связаны между собой, что часто обозначаются одним и тем же словом. «Sunt sua praemia Laudi»¹¹, –

¹¹ Они сами суть награда славы (лат.). См. Вергилий. Энеида.

говорит Вергилий, и Цицерон указывает: «Nihil habet natura praestantius, quam Honestatem, quam Laudem, quam Dignitatem, quam Decus»¹², причем, [по его мнению], все эти слова обозначают одну и ту же вещь. Таков язык языческих философов, которые хорошо понимали, в чем состоят их понятия *добродетели* и *порока*. И хотя, вероятно, бывало, что вследствие различия в характере, воспитании, обычаях, в принципах или интересах различного рода людей то, что в одном месте считалось похвальным, в другом не избегало порицания и, таким образом, в различных обществах *добродетели* и *пороки* бывали различны, однако вообще в значительном большинстве случаев они везде были одинаковы. Так как нет ничего более естественного, чем поощрять уважением и добрым мнением то, в чем каждый находит свою выгоду, и осыпать порицаниями и предотвращать противоположное, то не удивительно, что уважение и неуважение, добродетель и порок всюду в значительной мере соответствуют неизменяемому правилу правды и неправды, которое установлено божественным законом: ничто так прямо и явно не обеспечивает и не приближает всеобщего блага людей в этом мире, как повиновение законам, которые он им дал, и ничто не порождает столько несчастий и путаницы, как пренебрежение ими. Поэтому люди, не отказываясь от всякого здравого смысла и от своего собственного интереса, которому они всегда остаются верны, вообще не могут ошибаться и направлять свои похвалы и порицания на то, что в действительности их не заслуживает. Даже те, кто поступал иначе, всегда верно направляли свое одобрение, потому что немногие испорчены до такой степени, чтобы не порицать по крайней мере в других тех недостатков, которые есть и у них самих; поэтому истинные пределы закона природы, который должен служить нормой добродетели и порока, сохранялись довольно хорошо даже при развращенности нравов, так что даже боговдохновенные наставники не боялись взывать в своих увещаниях к общему мнению: «что любезно, что достоуважно, что только добродетель и похвала» и т. д. (Послание к филиппийцам св. апостола Павла, 4,8).

12. *Сила этого закона есть восхваление и посрамление.* Если кто-нибудь представляет себе, будто я забыл свое собственное понятие о законе, оттого что я *законом*, по которому люди судят о *добродетели* и *пороке*, признаю не что иное, как согласие лиц, не имеющих достаточной власти для установления закона, тем более что этот закон нуждается в том, что так необходимо и существенно для закона, – в силе принуждения, мне кажется, я могу сказать, что человек, не признающий одобрение и неодобрение мотивами, настолько сильными для людей, чтобы они приспособлялись ко взглядам и правилам тех, с кем они общаются, по-видимому, мало знаком с человеческой природой или историей, ибо он обнаружит, что огромное большинство людей руководствуется главным образом, если не исключительно, законами обычая и поступает так, чтобы поддержать свое доброе имя в глазах общества, мало обращая внимания на законы бога или властей. О наказаниях, ожидающих

¹² В природе нет ничего более высокого, чем добродетель, чем-то, что похвально, чем достоинство, чем лесь (лат.). См. Цицерон. Тускуланские беседы.

людей за нарушение божественного закона, некоторые, а быть может и большинство людей, редко помышляют серьезно; да и среди помышляющих многие, нарушая закон, утешаются мыслью о будущем примирении и раскаянии в этих нарушениях. Что же касается кар, налагаемых законами государства, то люди часто льстят себя надеждой на безнаказанность. Но от наказания в виде всеобщего порицания и неприязни не ускользает ни один человек, нарушающий обычаи и идущий против взглядов общества, в котором он вращается и где хочет заслужить хорошую репутацию. И среди десяти тысяч человек вряд ли найдется один, кто был бы настолько непреклонен и нечувствителен, чтобы переносить постоянное нерасположение и осуждение своей собственной компании. Странно и необычно устроен должен быть тот, кто может удовлетворяться жизнью в постоянном бесчестье и позоре в кругу своего особого сообщества. Многие искали уединения, и многие примирялись с ним; но никто, имея хотя бы малейшее сознание или чувство присутствия около себя человека, не может жить в обществе под гнетом постоянного нерасположения и дурного мнения своих близких и тех, с кем он общается. Это бремя слишком тяжело для человеческого терпения, и из непримиримых противоречий должен состоять тот, кто может находить удовольствие в обществе и все же быть нечувствительным к презрению и нерасположению своих товарищей.

13. *Эти три закона являются нормами нравственного добра и зла.* Итак, с этими тремя законами – во-первых, законом божественным, во-вторых, законом политических обществ, в-третьих, законом обычая, или частного порицания, – люди различным образом соотносят свои действия и, исходя из одного из этих законов, устанавливают свои меры, когда хотят судить о нравственной справедливости своих действий и называют их хорошими или дурными.

Актуальные цитаты Джона Локка¹³

Свобода людей в условиях существования системы правления заключается в том, чтобы жить в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе и установленным законодательной властью, созданной в нем; это – свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека, в то время как естественная свобода заключается в том, чтобы не быть ничем связанным, кроме закона природы.

/Два трактата о правлении. Книга вторая. Глава IV. О рабстве/

Никто не знает силы своих способностей, пока он не испытал их.

/Об управлении разумом/

¹³ Цит. по: Локк Дж. Сочинения в 3 т. М.: Мысль, 1985–1988.

Счастье или несчастье человека в основном является делом его собственных рук.

/Мысли о воспитании/

Истинное мужество человека заключается <...> в спокойном самообладании и в невозмутимом выполнении своего долга, какие бы бедствия его ни постигали и какие бы опасности ни лежали на его пути.

/Мысли о воспитании/

Беда заключается в том, что хитрость помогает только раз, а потом всегда лишь мешает.

/Мысли о воспитании/

Порок заключается не в том, чтобы иметь желания, <...> а в неумении подчинить их правилам и ограничениям разума; дело не в том, испытываете ли вы или не испытываете самих влечений, а в способности управлять ими и отказываться от них.

/Мысли о воспитании/

3.2. Шарль Луи Монтескье

Годы жизни: 1689–1755; представитель эпохи Просвещения, идеолог либерализма. Обосновывал необходимость разделения власти как основы демократического правления. Один из первых сформулировал мысль, что все институты общества образуют систему взаимосвязанных составляющих. «О духе законов» – центральное произведение Ш. Л. Монтескье, которому философ посвятил более 20 лет, содержит анализ обществ, различающихся географическим положением и историческим периодом существования. Приведенные фрагменты текста не только подчеркивают основную мысль о наличии социальных структур, их зависимости от климатических, географических и других условий, но и наглядно демонстрируют возможности использования таких методов, как наблюдение и сравнительный анализ для понимания социального разнообразия.

О духе законов¹⁴

Книга первая. О законах вообще

Глава I. О законах в их отношениях к различным существам

Законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует,

¹⁴ Цит. по: Монтескье Шарль Луи. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С. 163–169.

имеет свои законы: они есть и у божества, и у мира материального, и у существ сверхчеловеческого разума, и у животных, и у человека.

Те, которые говорят, что все *видимые нами в мире явления произведены слепой судьбой*, утверждают великую нелепость, так как что может быть нелепее слепой судьбы, создавшей разумные существа?

Итак, есть первоначальный разум; законы же – это отношения, существующие между ним и различными существами, и взаимные отношения этих различных существ.

Бог относится к миру как создатель и охранитель; он творит по тем же законам, по которым охраняет; он действует по этим законам, потому что знает их; он знает их, потому что создал их, и он создал их, потому что они соответствуют его мудрости и могуществу.

Непрерывное существование мира, образованного движением материи и лишённого разума, приводит к заключению, что все его движения совершаются по неизменным законам, и какой бы иной мир мы себе ни вообразили вместо существующего, он все равно должен был бы или подчиняться неизменным правилам, или разрушиться.

Таким образом, дело творения, кажущееся актом произвола, предполагает ряд правил, столь же неизбежных, как рок атеистов. Было бы нелепо думать, что творец мог бы управлять миром и помимо этих правил, так как без них не было бы и самого мира.

Эти правила – неизменно установленные отношения. Так, все движения и взаимодействия двух движущихся тел воспринимаются, возрастают, замедляются и прекращаются согласно отношениям между массами и скоростями этих тел; в каждом различии есть *единообразие*, и в каждом изменении – *постоянство*.

Единичные разумные существа могут сами для себя создавать законы, но у них есть также и такие законы, которые не ими созданы. Прежде чем стать действительными, разумные существа были возможны, следовательно, возможны были отношения между ними, возможны поэтому и законы. Законом, созданным людьми, должна была предшествовать возможность справедливых отношений. Говорить, что вне того, что предписано или запрещено положительным законом, нет ничего ни справедливого, ни несправедливого, значит утверждать, что до того, как был начерчен круг, его радиусы не были равны между собою.

Итак, надо признать, что отношения справедливости предшествуют установившему их положительному закону. Так, например, если существует общество людей, то справедливо, чтобы люди подчинялись законам этого общества; если разумные существа благодетельствованы другим существом, они должны питать к нему благодарность; если разумное существо сотворено другим разумным существом, то оно должно оставаться в той же зависимости, в какой оно находилось с первого момента своего существования; если разумное существо причинило зло другому разумному существу, то оно заслуживает, чтобы ему воздали таким же злом, и т. д.

Но мир разумных существ далеко еще не управляется с таким совершенством, как мир физический, так как, хотя у него и есть законы, по своей природе неизменные, он не следует им с тем постоянством, с которым физический мир следует своим законам. Причина этого в том, что отдельные разумные существа по своей природе ограничены и потому способны заблуждаться и что, с другой стороны, им свойственно по самой их природе действовать по собственным побуждениям. Поэтому они не соблюдают неизменно своих первоначальных законов, и даже тем законам, которые они создают сами для себя, они подчиняются не всегда.

Неизвестно, находятся ли животные под управлением общих или каких-нибудь особенных законов движения. Как бы то ни было, они не связаны с богом более близкими отношениями, чем остальной материальный мир; способность же чувствовать служит им лишь для их отношений друг к другу, к другим существам и к самим себе.

В свойственном им влечении к наслаждению каждое из них находит средство для охраны своего отдельного бытия, и это же влечение служит им для сохранения рода. Они имеют естественные законы, потому что соединены способностью чувствовать и не имеют законов положительных, потому что не соединены способностью познавать. Но они не следуют неизменно и своим естественным законам; растения, у которых мы не замечаем ни чувства, ни сознания, лучше их следуют последним.

Животные лишены тех высоких преимуществ, которыми мы обладаем, но зато у них есть такие, которых нет у нас. У них нет наших надежд, но нет и наших страхов; они, подобно нам, умирают, но не сознают этого; большая часть их даже охраняет себя лучше, чем мы себя, и не так злоупотребляет своими страстями, как мы.

Как существо физическое, человек, подобно всем другим телам, управляется неизменными законами; как существо, одаренное умом, он беспрестанно нарушает законы, установленные богом, и изменяет те, которые сам установил. Он должен руководить собою, и, однако, он существо ограниченное; как всякое смертное разумное существо, он становится жертвою неведения и заблуждения и нередко утрачивает и те слабые познания, которые ему уже удалось приобрести, а как существо чувствующее, он находится во власти тысячи страстей. Такое существо способно ежеминутно забывать своего создателя – и бог напоминает ему о себе в заветах религии; такое существо способно ежеминутно забывать самого себя – и философы направляют его законами морали; созданный для жизни в обществе, он способен забывать своих ближних – и законодатели призывают его к исполнению своих обязанностей посредством политических и гражданских законов.

Глава II. О законах природы

Всем этим законам предшествуют законы природы, названные так потому, что они вытекают единственно из устройства нашего существа. Чтобы основательно познакомиться с ними, надо рассмотреть человека во время,

предшествовавшее образованию общества. Законы, по которым он жил в том состоянии, и будут законами природы.

Тот закон, который, запечатлев в нас идею творца, влечет нас к нему, в ряду естественных законов занимает первое место по своей важности, но не по порядку законов во времени. Человек в природном состоянии обладает не столько познаниями, сколько способностью познания. Ясно, что первые идеи его не будут носить умозрительного характера: прежде чем размышлять о начале своего бытия, он думает о его охранении. Такой человек вначале чувствует лишь свою слабость. Он будет крайне боязлив; если бы для подтверждения этого потребовались примеры, то они уже найдены в лесах, обитаемых дикарями: все заставляет их трепетать, все обращает в бегство.

В таком состоянии каждый чувствует себя низшим по отношению к другим людям и лишь с трудом доходит до чувства равенства с ними. Стремление нападать друг на друга чуждо таким людям; следовательно, мир является первым естественным законом человека. Гоббс неправ, когда приписывает первобытным людям желание властвовать друг над другом. Идея власти и господства настолько сложна и зависит от такого множества других идей, что она не может быть первой во времени идеей человека.

Если война не есть естественное состояние людей, то почему же, спрашивает Гоббс, люди всегда ходят вооруженными и запирают на ключ свои жилища? Однако не следует приписывать людям, жившим до образования общества, такие стремления, которые могут возникнуть у них только после образования общества, вместе с которым у них появляются поводы для нападения и защиты.

С чувством своей слабости человек соединяет ощущение своих нужд. Поэтому второй естественный закон человека – стремление добывать себе пищу.

Я сказал, что страх побуждает людей бежать друг от друга; но как только они увидят, что страх их является взаимным, у них появится желание подойти друг к другу. Кроме того, их влечет к сближению и чувство удовольствия, испытываемое каждым животным при встрече с животным той же породы, причем, то очарование, которое связано с различием двух полов, еще более увеличит это удовольствие. Таким образом, просьба, обращенная одним человеком к другому, составляет третий естественный закон человека.

Первоначально человек обладает способностью чувствовать; в дальнейшем он доходит до приобретения познаний. Таким образом, людей связывает вторая нить, которой нет у животных; отсюда возникает новый повод к сближению. Желание жить в обществе – четвертый естественный закон человека.

Глава III. О положительных законах

Как только люди соединяются в обществе, они утрачивают сознание своей слабости, существовавшее между ними равенство исчезает и начинается война. Каждое отдельное общество начинает сознавать свою силу – отсюда состояние войны между народами. Отдельные лица в каждом обществе начинают ощущать свою силу и пытаются обратить в свою пользу главные выгоды этого общества – отсюда война между отдельными лицами.

Появление этих двух видов войны побуждает установить законы между людьми. Как жители планеты, размеры которой делают необходимым существование на ней многих различных народов, люди имеют законы, определяющие отношения между этими народами: это *международное право*. Как существа, живущие в обществе, существование которого нуждается в охране, они имеют законы, определяющие отношения между правителями и управляемыми: это *право политическое*. Есть у них еще законы, коими определяются отношения всех граждан между собою: это *право гражданское*.

Международное право, естественно, основывается на том принципе, согласно которому различные народы должны во время мира делать друг другу как можно более добра, а во время войны причинять насколько возможно менее зла, не нарушая при этом своих истинных интересов.

Цель войны – победа; цель победы – завоевание; цель завоевания – сохранение. Из этого и предшествующего принципов должны проистекать все законы, образующие международное право.

Международное право имеется у всех народов, оно есть даже у ирокезов, поедающих своих пленников: они отправляют и принимают послов, у них существуют определенные правила ведения войны и поведения в период мира; плохо только, что это международное право основано не на истинных принципах.

Кроме международного права, относящегося ко всем обществам, есть еще политическое право для каждого из них в отдельности. Общество не может существовать без правительства. «Соединение всех отдельных сил, – как прекрасно говорит Гравина, – образует то, что называется политическим состоянием (государством)».

Эта соединенная сила может быть отдана в руки или одному лицу или нескольким лицам. Основываясь на том, что отеческая власть установлена самой природой, некоторые полагают, что правление одного – самое естественное из всех. Но пример отеческой власти ничего не доказывает, ибо если власть отца и представляет некоторое соответствие с правлением одного, то власть братьев по смерти отца или по смерти братьев власть двоюродных братьев соответствует правлению нескольких лиц. Политическая власть необходимо предполагает союз нескольких семейств.

Вернее будет сказать, что правительство наиболее сообразно с природой в том случае, если его особенные свойства больше всего соответствуют характеру народа, для которого оно установлено.

Силы отдельных людей не могут объединиться, пока не пришли к единству их воли; это последнее единство и есть то, что, опять-таки по прекрасному выражению Гравина, называется *гражданским состоянием*.

Закон, говоря вообще, есть человеческий разум, поскольку он управляет всеми народами земли; а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума.

Эти законы должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа.

Необходимо, чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или устанавливаемого правительства, имеют ли они целью устройство его, – что составляет задачу политических законов, – или только поддержание его существования, – что составляет задачу гражданских законов.

Они должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату холодному, жаркому или умеренному, – качествам почвы, ее положению, размерам, образу жизни ее народов – земледельцев, охотников или пастухов, – степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям; наконец, они связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются. Их нужно рассмотреть со всех этих точек зрения.

Это именно я и предполагаю сделать в настоящей книге. В ней будут исследованы все эти отношения; совокупность их образует то, что называется *Духом законов*.

В этом исследовании я не отделяю *политических* законов от *гражданских*, так как, занимаясь исследованием не законов, а Духа законов, который заключается в различных отношениях законов к различным предметам, я должен был сообразоваться не столько с естественным порядком законов, сколько с естественным порядком этих отношений и предметов.

Я начну с рассмотрения тех отношений, в которых законы состоят к природе и принципу каждого правительства, уделяя особое внимание изучению этого принципа, ввиду того что он оказывает решающее влияние на законы. И если мне удастся установить этот принцип, я покажу, что законы вытекают из него, как из своего источника. Затем я перейду к рассмотрению других, по-видимому, более частных отношений.

Актуальные цитаты Шарля Луи Монтескье¹⁵

Желание славы ничем не отличается от инстинкта самосохранения, свойственного всем созданиям. Мы как бы умножаем свое существо, когда можем запечатлеть его в памяти других: мы приобретаем таким образом новую жизнь, и она становится для нас столь же драгоценной, как и полученная от неба.

/Персидские письма/

Наиболее совершенно то, которое достигает своих целей с наименьшими издержками; так что государственное устройство, при котором людьми управляют в наибольшем соответствии с их нравами и склонностями, и есть самое совершенное.

/Персидские письма/

¹⁵ Цит. по: Монтескье Шарль Луи. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955.

Освобождать себя от соблюдения правил приличия, не значит ли искать средства для свободного проявления своих недостатков?

/О духе законов/

Праздность больше всех пороков ослабляет мужество.

/Персидские письма/

Утонченные люди – это те, у которых к каждому представлению или восприятию присоединяется много дополнительных представлений и восприятий.

/Опыт о вкусе в произведениях природы и искусства/

Есть средства бороться с преступлениями: это наказания; есть средства для изменения обычаев: это примеры.

/О духе законов/

Когда человек изо всех сил выискивает средства заставить внушать женам страх <...> он, прежде всего достигает того, что его начинают ненавидеть.

/Персидские письма/

Жестокость законов препятствует их соблюдению.

/О духе законов/

Свобода есть право делать все, что дозволено законами.

/О духе законов/

3.3. Жан-Жак Руссо

Годы жизни: 1712–1778; французский философ, писатель, родился в Женеве. Ж.-Ж. Руссо считал, что общество не сдерживает порочную природу человека, как это представлялось Т. Гоббсу, а напротив, уничтожает сострадание и альтруизм, присущие людям изначально. Причину негативного воздействия общества философ видел в том, что частная собственность становится причиной неравенства и основой государства. Исходя из основной мысли, Руссо критиковал современное ему государственное устройство, проповедовал «возврат к природе», призывал к отмене института собственности и установлению социального равенства. Настаивал на том, что чувства важнее разума. Переосмысливая идею общественного договора, Ж.-Ж. Руссо считал, что власть должна принадлежать народу. Под воздействием идей философа появился такой новый политический институт, как референдум, получило обоснование политическое влияние народа на принятие законов и депутатские полномочия. Ж.-Ж. Руссо называют отцом Великой французской революции.

Об общественном договоре¹⁶

Глава IV. О демократии

Тот, кто создает Закон, знает лучше всех, как этот Закон должен приводиться в исполнение и истолковываться. Итак, казалось бы, не может быть лучшего государственного устройства, чем то, в котором власть исполнительная соединена с законодательной. Но именно это и делает такое Правление в некоторых отношениях непригодным, так как при этом вещи, которые должны быть разделяемы, не разделяются, и государь и суверен, будучи одним и тем же лицом, образуют, так сказать, Правление без Правительства.

Неправильно, чтобы тот, кто создает законы, их исполнял, или чтобы народ как целое отвлекал свое внимание от общих целей, дабы обращать его на предметы частные. Ничего нет опаснее, как влияние частных интересов на общественные дела, и злоупотребления, допускаемые Правительством при применении законов, – это беда меньшая, нежели подкуп законодателя – это неизбежное последствие существования частных расчетов. Тогда, поскольку искажена сама сущность Государства, никакое преобразование уже невозможно. Народ, который никогда не употребляет во зло свою власть в Правлении, не сделает этого и в отношении своей самостоятельности; народ, который всегда хорошо правил бы, не нуждался бы в том, чтобы им управляли.

Если брать этот термин в точном его значении, то никогда не существовала подлинная демократия, и никогда таковой не будет. Противно естественному порядку вещей, чтобы большое число управляло, а малое было управляемым. Нельзя себе представить, чтобы народ все свое время проводил в собраниях, занимаясь общественными делами. И легко видеть, что он не мог бы учредить для этого какие-либо комиссии, чтобы не изменилась и форма управления.

В самом деле, я думаю, что могу принять за правило следующее: когда функции Правления разделены между несколькими коллегиями, то те из них, что насчитывают наименьшее число членов, приобретают рано или поздно наибольший вес и значение, хотя бы уже по причине того, что у них, естественно, облегчается отправление дел.

Впрочем, каких только трудно соединимых вещей не предполагает эта форма Правления! Во-первых, для этого требуется Государство столь малое, чтобы там можно было без труда собирать народ, и где каждый гражданин легко мог бы знать всех остальных; во-вторых, – большая простота нравов, что предотвращало бы скопление дел и возникновение трудноразрешимых споров, затем – превеликое равенство в общественном и имущественном положении, без чего не смогло бы надолго сохраниться равенство в правах и в обладании властью; наконец, необходимо, чтобы роскоши было очень мало, или чтобы она полностью отсутствовала. Ибо роскошь либо создается богатствами, либо делает их необходимыми; она развращает одновременно и богача, и бедняка,

¹⁶ Цит. по: Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М.: «Канон-пресс», «Кучково поле», 1998. С. 254–264.

одного – обладанием, другого – вожделием; она предаёт отечество изнеженности и суетному тщеславию; она отымает у Государства всех его граждан, дабы превратить одних в рабов других, а всех – в рабов предубеждений.

Вот почему один знаменитый писатель [Монтескье: «О духе законов», Книга III, Глава III – *прим. сост.*] полагал главным принципом Республики добродетель, ибо все эти условия без нее не могли бы существовать. Но поскольку этот высокий ум не делал необходимых различий, то оказалось, что у него часто нет в суждениях правильности, иногда – ясности; и он не увидел того, что, поскольку верховная власть везде одинакова, – один и тот же принцип [суверенитет – *прим. сост.*] должен лежать в основе всякого правильно устроенного Государства – в большей или меньшей степени, конечно, соответственно форме Правления.

Прибавим, что нет Правления, столь подверженного гражданским войнам и внутренним волнениям, как демократическое, или народное, потому что нет никакого другого Правления, которое столь сильно и постоянно стремилось бы к изменению формы или требовало больше бдительности и мужества, чтобы сохранять свою собственную. Более, чем при любом другом, при таком государственном устройстве должен гражданин вооружиться силою и твердостью и повторять всю свою жизнь ежедневно в глубине души то, что говорил один доблестный Воевода на Польском Сейме: «*Malò periculosam libertatem quam quietum servitium*»¹⁷.

Если бы существовал народ, состоящий из богов, то он управлял бы собою демократически. Но Правление столь совершенное не подходит людям.

Глава V. Об аристократии

Здесь у нас есть две весьма различные условные личности, именно: Правительство и суверен; и, следовательно, две воли общие, одна – по отношению ко всем гражданам, другая – только к членам управления. Таким образом, хотя Правительство и может устанавливать внутренний порядок по своему усмотрению, оно никогда не может обращаться к народу иначе, как от имени суверена, т. е. от имени самого народа; этого никогда не следует забывать.

Первые общества управлялись аристократически. Главы семейств обсуждали в своем кругу общественные дела. Молодые люди без труда склонялись перед авторитетом опыта. Отсюда – названия: *жрецы, старейшины, сенат, геронты*. Дикари Северной Америки управляют собою так и в наши дни, и управляются очень хорошо.

Но по мере того, как неравенство, создаваемое первоначальным устройством, брало верх над неравенством естественным, богатство или могущество получали предпочтение перед возрастом, и аристократия стала выборной. Наконец, поскольку власть стала передаваться вместе с богатством

¹⁷ Предпочитаю волнения свободы покою рабства (лат.).

от отца к детям, делая семьи патрицианскими, то и Правление сделалось наследственным, поэтому можно было увидеть двадцатилетних сенаторов.

Таким образом, есть три рода аристократии: природная, выборная и наследственная. Первая пригодна лишь для народов, находящихся в начале своего развития; третья представляет собою худшее из всех Правлений. Вторая лучше всех; это – аристократия в собственном смысле слова.

Помимо того, что оба вида власти при этом разграничиваются, такой род аристократии обладает еще и тем преимуществом, что члены ее избираются. Ибо в народном Правлении все граждане рождаются магистратами; выборная же аристократия ограничивает количество должностных лиц малым числом, и они делаются таковыми лишь путем избрания: при таком порядке честность, просвещенность, опытность и все другие основания для предпочтения и уважения общественного суть каждое новый залог того, что управление будет мудрым.

Кроме того, собрания проходят более спокойно, дела обсуждаются лучше, отправляются более упорядоченно и без промедления; влияние Государства за его пределами лучше поддерживается почтенными сенаторами, чем толпою людей неизвестных или презираемых.

Словом, именно тот строй будет наилучшим и наиболее естественным, когда мудрейшие правят большинством, когда достоверно, что они правят им к его выгоде, а не к своей собственной. Вовсе не следует напрасно усложнять механизм, ни делать с помощью двадцати тысяч людей то, что сто человек выбранных могут сделать гораздо лучше. Следует, однако, заметить, что интересы целого здесь начинают менее направлять публичную силу на соблюдение правил общей воли, и что другое неизбежное отклонение лишает законы части их исполнительной силы.

Что до особых условий, то при аристократическом Правлении Государство вовсе не должно быть столь малым, а народ столь первобытным и прямодушным, чтобы исполнение законов следовало непосредственно за народной волею, как при доброй демократии. Народ не должен также быть столь многочисленным, чтобы начальники, разбросанные по разным местам для управления им, могли корчить из себя суверена, каждый в своем округе, и сделаться сначала независимыми, чтобы, в конце концов, стать повелителями.

Но если аристократия требует несколькими добродетелями менее, чем народное Правление, она требует зато других добродетелей, которые свойственны ей одной, – таких, как умеренность со стороны богатых и умение довольствоваться своим положением со стороны бедных; ибо строгое равенство было бы тут, по-видимому, неуместно; оно не соблюдалось даже в Спарте.

Впрочем, если эта форма предполагает вообще некоторое имущественное неравенство, то для того, чтобы управление общественными делами поручалось тем, кто больше всех других может посвятить этому все свое время; но не для того, как утверждает Аристотель, чтобы богатым всегда показывалось предпочтение. Напротив, важно, чтобы избрание бедного научало иной раз народ, что достоинство людей суть более существенные основания к тому, чтобы предпочесть их, нежели богатство.

Глава VI. О монархии

До сих пор мы рассматривали государя как условное собирательное лицо, объединенное в одно целое силой закона, и как блюстителя исполнительной власти в Государстве. Теперь нам надлежит рассмотреть тот случай, когда эта власть сосредоточена в руках одного физического лица – реального человека, который один имеет право располагать ею в соответствии с законами. Это то, что называется монарх или король.

Совершенной противоположностью другим видам управления, при которых собирательное существо представляет индивидуум, является данный вид, при котором индивидуум представляет собирательное существо, так что то духовное единство, что образует государя, здесь является одновременно и физической единицей, в которой все способности, соединяемые Законом с такими усилиями при другом Правлении, оказываются объединенными сами собою.

Так воля народа и воля государя, и публичная сила Государства, и отдельная сила Правительства – все подчиняется одной и той же движущей силе; рычаги машины находятся в одних и тех же руках; все движется к одной и той же цели. Нет никаких направленных в противоположные стороны движений, которые уничтожились бы; и нельзя представить себе никакой другой вид государственного устройства, при котором меньшее усилие производило бы большее действие. Архимед, спокойно сидящий на берегу и без труда спускающий на воду большой корабль, напоминает мне искусного монарха, который из кабинета управляет своими обширными Провинциями, приводит все в движение, а сам выглядит при этом неподвижным.

Но если нет никакого другого Правления, которое обладало бы большею силою, то нет и такого, при котором частная воля имела бы больше власти и легче достигала господства над всеми остальными. Правда, здесь все движется к одной и той же цели; но сия цель вовсе не есть благоденствие общества; и сама сила управления беспрестанно оборачивается во вред Государству.

Короли хотят быть неограниченными; и издавна уже им твердили, что самое лучшее средство стать таковыми – это снискать любовь своих подданных. Это правило прекрасное и в некоторых отношениях даже весьма справедливое. К сожалению, при дворах оно всегда будет вызывать только насмешки. Власть, возникающая из любви подданных, несомненно, наибольшая; но она непрочна и условна; никогда не удовлетворятся ею государи. Наилучшие короли желают иметь возможность быть даже злыми, если им так будет угодно, оставаясь при этом повелителями. Какой-либо увещатель от политики может сколько угодно говорить, что раз сила народа – это их сила, то им самим выгоднее всего, чтобы народ процветал, был многочисленным и грозным; они очень хорошо знают, что это не так. Их личный интерес прежде всего состоит в том, чтобы народ был слаб, бедствовал и никогда не мог им сопротивляться. Конечно, если предположить, что подданные всегда будут оставаться совершенно покорными, то государь был

бы тогда заинтересован в том, чтобы народ был могущественен, дабы это могущество, будучи его собственным, сделало государя грозным для соседей. Но так как интерес народа имеет лишь второстепенное и подчиненное значение и так как оба предположения несовместимы, то естественно, что государи всегда предпочитают следовать тому правилу, которое для них непосредственно выгодно. Это как раз то, что настойчиво разъяснял древним евреям Самуил [Автор ссылается на первую книгу пророка Самуила (последнего судьи Израиля), где Бог открывает картину будущих страданий при новом царе, которые будут посланы его народу в виде кары за отступничество – прим. сост.], именно это с очевидностью показал Макиавелли. Делая вид, что дает уроки королям, он преподавал великие уроки народам. «Государь» Макиавелли – это книга республиканцев.

Мы нашли, исходя из соотношений общего характера, что монархия подходит для больших Государств, и мы вновь убедимся в этом, когда рассмотрим монархию как таковую. Чем многочисленнее аппарат управления, тем становится меньше и ближе к равенству отношение между государем и подданными; это отношение при демократии представляет собой единицу или составляет равенство. Это же отношение увеличивается по мере того, как Правление сосредоточивается; и оно достигает своего *максимума*, когда Правление оказывается в руках одного лица. Тогда расстояние между государем и народом становится слишком велико, и Государству начинает недоставать внутренней связи. Чтобы образовалась эта связь, нужны, следовательно, посредствующие состояния, необходимы князья, вельможи, дворянство, чтобы они их заполнили собою. Но ничто из всего этого не подходит малому Государству, которому все эти промежуточные степени несут разорение.

Но если трудно сделать так, чтобы большое Государство управлялось хорошо, то еще гораздо труднее достигнуть того, чтобы оно управлялось хорошо одним человеком, а каждый знает, что получается, когда король назначает заместителей.

Существенный и неизбежный недостаток, который при всех условиях ставит монархическое Правление ниже республиканского, состоит в том, что при втором из них голос народа почти всегда выдвигает на первые места только людей просвещенных и способных, которые занимают их с честью; тогда как те, кто достигает успеха в монархиях, что чаще всего мелкие смутьяны, ничтожные плуты, мелочные интриганы, чьи жалкие талантики позволяют им достичь при дворе высоких должностей, но лишь для того, чтобы, едва их достигнув, обнаружить перед народом полную свою неспособность. Народ гораздо реже ошибается в выборе такого рода, чем государь, и человек, истинно достойный, оказывается на посту министра при монархии почти столь же редко, как глупец на посту главы Правительства при республике. Поэтому, если, по некой счастливой случайности, один из этих людей, рожденных, чтобы править, берется за кормило управления в монархии, которую уже почти привела на край пропасти кучка столь славных правителей, то всех поражает,

как он мог найти выход из этого положения – и это составляет эпоху в жизни страны.

Чтобы монархическое Государство могло быть хорошо управляемо, была бы необходима соразмерность величины или протяженности его со способностями того, кто правит. Легче завоевать, чем управлять. С помощью соответствующего рычага можно одним пальцем поколебать мир; но, чтобы поддерживать его, необходимы плечи Геркулеса. Если велико только Государство, то государь почти всегда слишком для него мал. Когда, напротив, случается, что Государство слишком мало для его главы, а это бывает очень редко, то оно все-таки плохо управляется, потому что глава, увлеченный обширностью своих замыслов, забывает об интересах подданных; и они оказываются не менее несчастными при правителе, злоупотребляющем избытком своих талантов, чем при правителе, ограниченном отсутствием у него таковых. Было бы хорошо, если бы королевство могло, так сказать, расширяться или сокращаться при каждом царствовании сообразно со способностями государя; тогда как таланты какого-либо Сената представляют собой величину более постоянную, и при таком устройстве Государство может иметь неизменные границы, а управление при этом будет вестись несколько не хуже.

Самый ощутимый недостаток Правления одного человека – это отсутствие той непрерывной преемственности, которая при двух других формах Правления образует непрерывную связь. Раз король умер, нужен другой, выборы создают опасные перерывы; они проходят бурно; и если только граждане не обладают бескорыстием, неподкупностью, почти невозможными при этой форме Правления, то возникают всяческие происки и подкупы. Трудно, чтобы тот, кому Государство продалось, не продал его в свою очередь и не возместил себе за счет слабых деньги, которые у него исторгли люди могущественные. Рано или поздно все становится продажным при подобном управлении, и то спокойствие, которым пользуются под властью королей, горше смуты междуцарствий.

Что предпринимали, дабы предотвратить эти бедствия? Делали корону наследственной в некоторых семьях и установили порядок наследования, предупреждающий всякие споры после смерти короля. Другими словами, заменив неудобствами регентств неудобства выборов, предпочли кажущееся спокойствие мудрому управлению и предпочли пойти на риск получить в качестве правителей детей, чудовищ, слабоумных, лишь бы избежать споров о том, как лучше выбирать хороших королей. Не приняли во внимание, что подвергая себя таким образом риску выбора, имеешь почти все шансы против себя. Весьма разумны были слова юного Дионисия, которому отец, упрекая его в каком-то позорном поступке, сказал: «Разве я тебе подавал когда-либо подобный пример?» «Ах! – отвечал сын. – Ваш отец не был королем».

Все способствует тому, чтобы лишить справедливости и разума человека, воспитываемого, дабы он повелевал другими. Много прилагается стараний, чтобы научить юных принцев тому, что называют искусством царствовать: не видно, однако, чтобы такое воспитание шло им на пользу. Было бы лучше

начать с обучения их искусству повиноваться. Самые великие короли, те, которых прославила история, были воспитаны вовсе не для того, чтобы царствовать; это – наука, которую никак нельзя усвоить хуже, чем после слишком долгого обучения, и которую лучше усваивают повинаясь, чем повелевая. *Nam utilissimus idem ac brevissimus bonarum malarumque regum delectus, cogitare quid aut nolueris sub alio principe, aut volueris*¹⁸.

Это отсутствие преемственности влечет за собою непостоянство в королевском Правлении. Приспосаблиясь то к одному, то к другому плану в зависимости от характера царствующего государя или людей, которые царствуют за него, такое Правительство не может иметь ни определенной цели, ни последовательного образа действий в течение долгого времени; изменчивость эта заставляет Государство все время колебаться между одним замыслом и другим, что не имеет места при других Правлениях, где государь всегда один и тот же. Поэтому ясно, что, если при дворе больше хитрости, то в Сенате больше мудрости, и что Республики идут к своим целям, руководясь более постоянными и последовательными планами; между тем, как каждый переворот в составе кабинета министров производит переворот в Государстве, поскольку правило, общее для всех министров и почти для всех королей, заключается в том, чтобы во всяком деле поступать прямо противоположно своему предшественнику.

В этом же отсутствии преемственности можно почерпнуть опровержение весьма обычного для монархических политиков ложного умозаключения, которое состоит не только в том, что Управление обществом сопоставляется с управлением домом, а государь – с отцом семейства (ошибка, уже опровергнутая), но и в щедром наделении этого магистрата всеми добродетелями, в которых он мог бы нуждаться, и в неизменном предположении, что государь есть то, что он должен собою представлять; вследствие этого предположения королевское Правление, конечно же, становится предпочтительнее всякого другого, потому что оно бесспорно самое сильное, и, чтобы быть также наилучшим, ему недостает лишь такой воли правительственного корпуса, которая более соответствовала бы общей воле.

Но если, по словам Платона, человек, которому самой природой предназначено быть королем, есть существо настолько редкостное, то сколько же раз природе и случаю удастся возложить на него корону? И если воспитание человека, которому предназначено быть королем, непременно его портит, то чего следует ожидать от поколений людей, взращенных, чтобы царствовать? Следовательно, смешивать королевское Правление с Правлением доброго короля – это значит вводить самого себя в заблуждение. Дабы увидеть, что представляет это Правление само по себе, нужно рассмотреть, каково оно при государях недалеких или злых; ибо они либо такими взойдут на трон, либо же трон сделает их такими.

¹⁸ Ибо самое удобное и самое быстрое средство отличить добро от зла – это спросить тебя, чего ты хотел, а чего нет, если бы королем был не ты, а другой (лат.). [Тацит. История, кн. I, 16].

Эти трудности не ускользнули от внимания наших авторов, но они нисколько этим не смутились. Спасение, говорят они, заключается в том, чтобы повиноваться безропотно: Бог дает дурных королей во гневе, и их нужно терпеть как кару небесную. Рассуждение это весьма поучительно, что и говорить; но оно было бы, кажется, уместнее в слове с кафедры, нежели в книге о политике. Что сказать о таком враче, который обещает чудеса, а все его искусство в том, чтобы призывать больного к терпению? Хорошо известно, что нужно терпеть Правительство дурное, раз такова форма Правления; дело тогда заключалось бы в том, чтобы найти Правление хорошее.

Актуальные цитаты Жан-Жака Руссо¹⁹

Рожденные в праздности, <...> питают праздность, и невозместимая потеря времени – вот в чем, раньше всего, выражается вред, который они неизбежно приносят обществу.

/Рассуждение о науках и искусствах/

Роскошь либо создается богатствами, либо делает их необходимыми; она развращает одновременно и богача и бедняка, одного – обладанием, другого – вожделение.

/Об Общественном договоре/

Чем меньше люди знают, тем более сведущими они себя считают.

/Рассуждение о науках и искусствах/

Общественную связь образует как раз то, что есть общего в этих различных интересах; и не будь такого пункта, в котором согласны все интересы, никакое общество не могло бы существовать.

/Об Общественном договоре/

Цензура может быть полезна для сохранения нравов, но никогда – для их восстановления.

/Об Общественном договоре/

Пока народ принужден повиноваться и повинуетя, он поступает хорошо; но если народ, как только получает возможность сбросить с себя ярмо, сбрасывает его, – он поступает еще лучше; ибо, возвращая себе свободу по тому же праву, по какому ее у него похитили, он либо имеет все основания вернуть ее, либо же вовсе не было оснований ее у него отнимать.

/Об Общественном договоре/

Всякая власть – от Бога, я это признаю; но и всякая болезнь от Него же: значит ли это, что запрещено звать врача?

/Об Общественном договоре/

¹⁹ Цит. по: Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М.: «Канон-пресс», «Кучково поле», 1998. 416 с.

Мудрый законодатель не начинает с сочинения законов, самых благих самих по себе, но испытывает предварительно, способен ли народ, которому он их предназначает, их выдержать.

/Об Общественном договоре/

Законодательная власть – сердце Государства, власть исполнительная – его мозг.

/Об Общественном договоре/

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель; Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1976–1983. – [Текст: электронный] // Национальная электронная библиотека: [сайт]. – URL: <https://rusneb.ru/catalog> (дата обращения: 01.02.2022).
2. Гоббс, Т. Сочинения: в 2 т. / Т. Гоббс. Пер. с лат. и англ.; – М.: Мысль, 1989–1991. – ISBN 5-244-00020-9. – [Текст: электронный] // Philosophy.ru: [сайт]. – URL: <https://www.philosophy.ru/library/sochineniya-v-2-kh-tomakh-t-1/> (дата обращения: 01.02.2022).
3. Локк, Джон. Сочинения в 3 т. / Дж. Локк; Пер. с англ. – М.: Мысль, 1985 – 1988. – ISBN 5-244-00084-5. – [Текст: электронный] // Philosophy.ru: [сайт]. – URL: <https://www.philosophy.ru/library/sochineniya-v-3-kh-tomakh-t-1-filosofskoe-nasledie-t-93/> (дата обращения: 01.02.2022).
4. Макъявелли, Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма [Текст] / Н. Макъявелли; Пер. с итал. – М.: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Издательство АСТ», 2004. – 891 с. – (Золотой фонд мировой классики). – ISBN 5-94643-088-2.
5. Монтескье, Ш. Л. Избранные произведения [Текст] / Ш. Л. Монтескье. – М.: Госполитиздат, 1955. – 800 с.
6. Платон. Собрание сочинений в 4 т. / Платон. Пер. с древнегреч.; – М.: Мысль, 1990 – 1994. – ISBN 5-244-00385-2. – [Текст: электронный] // Philosophy.ru: [сайт]. – URL: <https://www.philosophy.ru/library/sobranie-sochineniy-v-4-kh-tomakh-t-1/> (дата обращения: 01.02.2022).
7. Руссо, Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты [Текст] / Ж. Ж. Руссо; Пер. с фр. – М.: «Канон-пресс», «Кучково поле», 1998. – 416 с. – ISBN 5-87533-113-5.
8. Ясперс, К. Смысл и назначение истории [Текст] / К. Ясперс; Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 530 с. – ISBN 5-250-01357-0.

Учебное издание

Целищева Вероника Геннадьевна

СОЦИОЛОГИЯ

Хрестоматия

Выпуск I (V в. до н. э. – 1840-е гг.)

Редактор и корректор Е. О. Тарновская
Техн. редактор Е. О. Тарновская

Темплан 2020 г., поз.154

Подписано к печати 11.05.2022.	Формат 60x84/16.	Бумага тип № 1.	
Печать офсетная.	Печ.л. 3.	Уч.-изд. л. 3.	
Тираж 100 экз.	Изд. № 154.	Цена «С».	Заказ №

Ризограф Высшей школы технологии и энергетики СПбГУПТД,
198095, Санкт-Петербург, ул. Ивана Черных, 4.